

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 4

АПРЕЛЬ 1946
Издательство „Правда“

Люда Захарченко и её мама — большие друзья. Люда часто советуется с мамой о своих школьных делах и любит бывать с ней вдвоём. В свободное от занятий время она нередко садится за пианино и просит маму слушать её игру и поправлять в трудных местах.

На снимке: Люда Захарченко — ученица 3-го класса одной из московских школ со своей мамой Зинаидой Евгеньевной.

Фото Г. Санько

ПОДСНЕЖНИК

З. Александрова

Рис. В. Цельмера

У занесённых снегом кочек
Под белой шапкой снеговой
Нашли мы синенький цветочек,
Полузамёрзший, чуть живой.

Наверно, жарко припекало
Сегодня солнышко с утра,
Цветку под снегом душно стало,
И он подумал, что — пора!

И вылез. Но кругом всё тихо,
Соседей нет, он первый здесь.
Его увидела зайчиха,
Понюхала, хотела съесть.

Потом, наверно, пожалела:
«Уж больно тонок ты, дружок!..»
И вдруг пошёл пушистый, белый,
Холодный мартовский снежок.

Он падал, заносил дорожки.
Опять зима, а не весна!
И от цветка на длинной ножке
Лишь только шапочка видна.

И он, от холода синее,
Головку слабую клоня,
Сказал: «Умру, но не жалею:
Ведь началась весна с меня!»

ДРУЖБА

Рассказы Н. Емельяновой

Рис. Ф. Лемкуля

ани войска наступали на Украине. Зима в том году была очень тёплая. Днём на солнце капало с крыш и снег на полях таял. Везде, где двигались машины, шли люди и проезжали повозки, растаптывалась чёрная, вязкая грязь. Такую грязь войскам так же трудно преодолеть, как мороз и вьюгу.

В начале наступления штаб нашего корпуса находился в деревне Назаровке. Дом, где мы стояли, был сильно повреждён снарядами, крыша у него сгорела, разбитые окна и дыры в стенах были заткнуты мешками с соломой. Неподаёму от дома был хороший колодец. Все идущие через Назаровку походные кухни останавливались около этого колодца и брали воду.

Вечером, выйдя из штаба, я увидела среди машин и повозок собачью запряжку. Четыре собаки — все разные по цвету и росту — тянули по грязи белую неширокую лодку. Они поровнялись с колодцем, свернули с дороги в нашу сторону и по знаку каюра остановились. Собаки были облеплены грязью и так устали, что три из них сразу же легли на землю, опустили головы на вытянутые лапы и прикрыли глаза. Только один коричневый кудлатый пёс с жёлтыми подпалыми над глазами и с острыми ушами ещё стоял и, чуть наклонив голову набок, смотрел на каюра.

Каюр, молодой уже боец, тяжело вытаскивая из грязи ноги, подошёл к лодке. В таких лодках собаки вывозят раненых с поля боя. Сейчас лодка

была пуста, в ней лежали только стёганый ватный конверт, вещевой мешок каюра да собачьи пожитки: миски для еды и замызганное ведро. Каюр взял ведро и пошёл к колодцу.

У колодца шофёр грузовой машины, невысокий парень в ватной куртке, опуская привязанное на верёвке ведро. Оно шло вниз, гулко ударяясь о бревенчатый сруб, потом булькнуло в воде и остановилось. Шофёр оглянулся на каюра и заметил собак.

— Приятно были твои кони! — шофёр ловко перехватил верёвку, вытянул ведро наверх и стал его отвязывать. — Давай налью, — сказал он каюру. — Что же, работали нынче?

— А то как же? — ответил каюр, подставляя своё ведро. — Службу исполняли, как надо. Двоих тяжело раненых отвезли на пункт. Двоих — значит, сделали четыре конца. Более одного человека моя карета не подымает. А каждый конец — без малого три километра.

— Ну, они возят, а ты — всё шагаешь?

— Я? А, конечно, шагаю. Так рядом и шагаю.

— Неужто по такой грязи тянут? — недоверчиво спросил шофёр. — А поглядеть — незавидные собачки. А?

— Ещё как тянут-то! — с одобрением, что и на самом деле такие молодцы у него собаки, сказал каюр. — Они чем хороши? Я прикажу им, и они стараются. Готовы из кожи вылезти, такие работяги! Но я тебе скажу... Тут вся штука в обращении...

Он не договорил: две машины, стоявшие на дороге, тронулись, и на их место начала заезжать кухня. Шофёр побежал к своей машине, расплёскивая воду из ведра, и стал кричать, чтобы кухня не становилась перед ним и что он сейчас поедет. Каюр поймё воду собакам.

Коричневый пёс завидел его, потянулся и замахал было хвостом. Но хвост его, пышный от природы, был сейчас мокрый и весь в грязи. Видеть таким мокрым, тяжёлым хвостом, видимо, не доставляло собаке никакого удовольствия. Пёс медленно повернул хвост направо и налево и остановил его движение. Каюр ласково поглядел его по голове.

— Что, Дружба? — сказал он.

Пёс сунулся было носом в обилаг его шинели, но Каюр отстранил его, нагнулся над лодкой и стал развязывать вещевой мешок. Он высыпал на дно лодки кучку сухарей и достал завернутый в тряпичку большой кусок мяса.

— Нет ли тут у вас сухой расточки? — спросил он меня. — Я бы собакам конины сварил, целый день супу не ели.

Но искать расточку не пришлось: суп нашёлся на кухне у связистов. Через полчаса все четыре собаки стояли около своей лодки и лакали из мисок налитый им суп с размоченными в нём сухарями. Каюр, высокий, худощавый, стоял около собак и поглядывал, как они едят. Коричневый пёс был крупнее всех и среди собак своей запряжки, видимо, был главным. Когда собаки огрызались друг на друга, он повёртывал голову и, держа её неподвижно над их спинами, скалил белые зубы и строго рычал. Неполодившие собаки сразу затихали.

Среди них не было ни одной породистой; все они были обыкновенные дворняги. Зато у самой маленькой была необыкновенная расцветка шерсти—жёлтая с белым. На правой стороне морды через всё ухо шла белая полоса, будто собаке завязали платком зубы. Маленькие чёрные глаза её смотрели умно и доброжелательно.

Хорошие были собаки.

Была уже ночь. Немецкие снаряды летели через деревню и разрывались в поле за домами. Мимо нас непрерывно двигались машины, на секунду освещали фарами грязную дорогу и снова выключали свет. В этих вспышках света появлялись то идущие в строю бойцы, то машины с прицепленными сзади пушками, танки и снова бойцы, и снова машины. Стоял шум от моторов, от чавканья грязи под ногами идущих людей. Собаки давно уже спали около стены нашего дома. Каюр зашёл в дом и рассказывал на кухне. Я подошла послушать.

— ...нет, пуле не закажешь: лети мимо меня — да в лес! Я его стал подымать, хотел перевалить в лодку, а там собаки потянули бы, и я бы пополз рядком. Да не судьба, что ли, была. Подняться на ноги мне нельзя, сильно стреляют, а иначе его никак не подымешь, ноги у него перебиты, он совсем без движения.

Пока я примеривался, пули кругом шарили, всё меня ищут, да найти не могут, только белые ветки на снегу всыхивают. Дружба мой лежит ничком и голову прижал к земле, как я его обучил, и остальные собаки притаились. Показалось мне: стрельба пореже стала. Я вскочил, раненого своего под плечи приподнял и в лодку положил.

И тут «она» меня и ужалила... Да так, что я и сам распластался.

Он помолчал. Сидевший на корточках перед петкой боец Слезов вытащил тлеющий уголёк и прикурил.

— Как ужалит. А то и не встанешь, — сказал он.

— Ногу мне тут перебило, — продолжал каюр, — никакого ходу нет. Что делать? Собакам нас вдвоём не вытянуть. Главное, из балочки выбираться надо вверх по склону. Надо быстро проехать: обстрел идёт сильный. Хотя снег и крепкий был, везти собакам петяжело, но всё-таки о том, чтобы вдвоём, и думать нечего было.

Подполз я к лодке. Командую: «Дружба, вперед!» Он было сперва послушал, приноровился, дёрнул. Я постромочки разобрал и рукой ему показываю: «Вези!» И вдруг он глаза на меня скосяд, видит — я остался, и он встал.

Я его и так и сяк. Не идёт без меня. Не поверишь, я как человеку стал говорить: «Иди, Дружба, иди Вперёд! А потом за мной придёшь», — на себя рукой показываю. А он лапами передними ко мне прыгнет, взвояет и стоит. Как уж гут я ему говорил, не помню, так без слов этого городил. Не идёт. Я как замахнусь на него и заорал: «Чорт ты этакий! По-опшёл! Убью!» — он и кинулся. И вся запряжка за ним. Да ещё оглянулся на меня, так жалобно посмотрел: пожалел меня, а может, обиделся.

— А дальше? — спросил боец.

— А дальше лежу и мёрзну. Поворотиться уж силы нет: ше мой ноги. У меня тогда кость выше колена перешибло, вот и сейчас к погоде ноет.

Лежу один и стучу зубами: холода стояли большие, не как здесь, на Украине: на Псковском было направлени. Лежу, и думаю: у меня такая: «Найти-то меня найдут, да, пожалуй, опоздают». Крови, чувствую, много из меня ушло. А про Дружку маленько держу в уме, а очень не надеюсь: напугал я его, чуть не ударил. «Не пойдёт, — думаю. — Да и как пойти?»

Сколько времени прошло, не скажу. Только вижу: пули стегают мимо, зелёные, красные. Злачит, уж за вечерело.

И вдруг слышу: шуршит что-то за бугром, и вымётывается на бугор собачья голова. Уши треп-

лются — длинные ушки у него были, как шёлковые, грудь широкая, белая манишка. Весь тут передо мной! А за ним и вся четвёрка лапами загребает, и санки: ширк, ширк! Вылетели на высокое место. Дружка меня увидел, как взизгнет, и они всей гурьбой ко мне. Заплакал я, честное слово!.. Не оставил меня Дружка, прибежал!

Он мне в лицо носом тычется, а я руки-то поднять не могу: ооченел. Гляжу: с горки — тюлеп, тюлеп — валенки чьи-то бегут: человека не разберу. «Ну, — говорит, — Тимофеич, едва я их догнал. Прибежали без каюра. Не успели мы раненого снять, они как ударятся обратно. Ну и я за ними, айда!» Это наш санитар за собаками прибежал. Так я и живой остался.

Они со Слезовым закурили. Помолчал, Слезов спросил:

— Как же вы снова на фронте Дружка своего нашли?

— Нашёл-то? Не нашёл я его. Я его боле не видел с того разу. Помнится, как он бежит, ушами треплет на бегу, язычок прикусил и носом мне в лицо тычет. А за ним валенки по снегу пагают. И дальше уж не помню. Я лечился долго, шесть месяцев в госпитале лежал.

— А нельзя было его отыскать? — спросила я.

— Где найдёшь? Может, мы с ним на одном фронте воюем, когда-нибудь встретимся. А этого я в память о том Дружке назвал. Этот остроухий. Тоже смылибёный, беда! Отвоюемся, я его с собой домой попрошу.

В кухне у печки было жарко. Лицо каюра в тепле разгладилось и стало моложе. Теперь ему можно было дать лет тридцать. Он улыбнулся:

— Тому я, бывало, скажу: «Ну, что, Дружба?» — а он поглядит и как судто отвечает: «Ну, что, служба!» — так и ведём с ним разговор.

И он, взяв с лавки шинель, стал стелить её в углу.

На другой день, рано утром, собаки уже стояли все друг за другом, бодрые и сытые, и дружелюбно махали хвостами. За ночь подморозило, и лодка пристыгла. Каюр покачал её с боку на бок и подтолкнул, потом чмокнул губами, перебрал постромочки, поглядел вожака, и собаки неожиданно легко и быстро потащили лодку вперёд по дороге.

Беспокойный жилец

Было это осенью, в последний год войны. Наши войска заняли небольшой участок земли за рекой Вислой и укрепились в нём. Река широкая, полоса земли у нас невелика, немцы обстреливают со всех сторон. Стали рыть землянки.

Землянку для штаба корпуса выкопали на берегу озера, во дворе, около пустого дома. Почва здесь, за Вислой, песчаная, под почвой близко вода. Глубокую землянку никак не выкопашешь: вода выступает. Поэтому землянку углубили только наполовину, выше надстроили бревёнчатые стены, настелили из досок потолок и всё засыпали землёй. Потом обложили для маскировки дёрном.

Около штаба, сменяясь, всегда дежурили Тищенко и Слезов. Оба воевали с первого года войны и были надёжными часовыми. Солнце шло к вечеру. Тищенко с автоматом на груди ходил взад и вперёд около землянки.

Вдруг он видит, что у самых его ног земля начинает всучиваться, получается грядочка шириною с ладонь, и грядочка эта растёт себе да растёт и прямой чертой уходит от Тищенко к старой груше. Что такое? Тищенко решил, что это непорядок, сейчас же наступил ногой на грядочку, притоптал около себя и пошёл до самой груши притоптывать. Всю землю заровнял и снова стал ходить взад и вперёд. Дошёл до старой груши, постоял, повернулся... Что за оказия? Снова перед ним всучивается грядочкой земля.

— Федя! — позвал он Слезова. — А ну-ка, иди сюда! Тут строитель подземный объявился.

Слезов подошёл.

— Эге! — сказал он. — Это, конечно, крот.

Он нам тут всю местность испортит. Серко ноги в кротовинах может поломать.

А Серко был конь полковника, начальника штаба. Хороший, умный конь, боевой.

— Давай этого зверя уберём отсюда, — говорит Тищенко.

Слезов принёс две железные лопаты, одну дал Тищенко, другую взял себе. Стали они по обоим концам грядочки и смотрят, где сейчас под землёй движется крот. И разом Тищенко воткнул свою лопату перед самым концом грядочки, а Слезов — на четверть метра от него прямо в насыпь. И вывернули лопатами землю наружу.

Я в это время шла в штаб.

— Идите, — кричат мне, — жильца подземного посмотреть!

Я подошла и вижу: среди комьев земля возится что-то живое, серое и гладкое, как бархат. Взяла зверька в руку, он уместился на моей ладони. Необыкновенно приятный зверь! Длинненький и как будто весь зашитый в меховой мешочек. Только передние лапки торчат в стороны, вывернуты так, будто крот плывёт и подгребаёт ими. Нос у крота длинный, остренький, глаз не заметно. Ничего он не видит, даже при дневном свете, только нос дергается мелко и быстро.

— Это он ориентируется в обстановке! — сказал Тищенко и потрогал крота за переднюю лапу; колги на ней были длинные и твёрдые.

— Просто шанцевый инструмент сапёрный, а не лапа, этими загребущими лапами он и разворачивает свою подземную траншею. Идёт себе в земле, как плужок! Он военный изобретатель, этот крот! Инженер-сапёр!..

Так всегда бывает: около чего человек работает, с тем он и сравнивает всякую вещь.

— Что же с ним делать? — спросил Тищенко.

— Пусти его на огород, подальше от землянки, — сказал Слезов, — пускай там свою оборону строит, — сунул крота за пазуху, пошёл на огород, выкопал ямку, посадил в неё зверька и забросал землёй.

— А не задохнется? — спросил он. — Может, я его неакуратно землёй прижал?

Тихо всё. Неизвестно, что делает крот под землёй. Только я хотела сказать Слезову, что, пожалуй, надо крота откопать, как мы увидели: снова земля вспучивается и вырастает грядочка.

— Живой и здоровый! Ничто его не берёт! — засмеялся Слезов. — Вот какой зверь, его и не похоронишь никак!

— Одно интересно: чего крот так близко к поверхности подобрался? — сказал Тищенко. — У них всегда на поверхности только «вышки» земляные выходят, а самые ходы глубокие...

Полили осенние дожди, задул холодный ветер. От дождей в нашем озере поднялась вода и залила берега. Во всех землянках, кроме штабной, выступила из-под пола вода. Везде в них поставили железные печки, чтобы было где согреться и просушить одежду. Боевая работа ведь ни в жару, ни в дождь не прекращается.

Однажды я сидела в штабе, писала за столом, и слышу — по потолку землянки кто-то быстро шаркался из угла в угол и с таким звуком, будто разметаёт направо и налево железным вешиком.

В это время Слезов принёс дрова.

— Товарищ Слезов, — окликнула я его, — вы слышали, как по потолку сейчас кто-то пробежал? Это не кошка?

— Слышал, — ответил Слезов. — Нет, на кошку не похоже: у той поступь мягкая. Наверно, собака забежала: доски ведь к брёвнам подбиты, там над потолком есть пустое место.

У нас действительно была маленькая собачка Бельчик, она осталась, когда хозяева уходили от немцев. Бельчик часто забирался на штабную землянку и, засунув нос в щель между брёвном, нюхал так яростно, что земля попадала ему в нос и он чихал. Но Бельчику пролезть на потолок было нелегко: щель была слишком узка.

А неизвестно почему жильцы гуляют над потолком, видимо, понравилось: у нас стало шумно. И кто бы ни приходил в землянку, все старались угадать, кто там бегает так быстро и скребёт железными грабелями.

— Уж не крот ли это забрался? — спросил однажды полковник.

— Ну что вы! — отвечали ему. — Разве он может так быстро бегать? Это летучая мышь! Больше некому быть!

Раз как-то в землянке переставляли печь. Выпилили брёвна в стене, и стал виден квадрат приваленной снаружи и крепко слежавшейся земли. Вдруг на этом земляном квадрате откопнулся кусочек земли, за ним другой...

— Вот тебе и на! — сказал полковник: он работал за столом около этой стены. — Почему же стенка осыпается?

А земля сыпалась да сыпалась! Полковник взял да и нажал рукой в том месте, где она сыпалась. Большой кусок отвалился, и оттуда быстро высунулись кротовая лапа и остренький его нос. И сейчас же убрался назад.

— Не в свою землянку попал, друг, — сказал полковник. — Вот вам и железные грабелки! Теперь ясно, кто у нас шурует над головой. Ну-ка, Слезов, заделывайте стену, а то он тут насыплет земли!

— Это не зря он тут находится, товарищ гвардии полковник, — сказал Слезов. — Это его ход сообщения тут проходит на верхний этаж. Ведь земля-то нынче вся, как губка, водой напичталась, а он сообразил, что над землянкой будет сухо, и переселился.

— Сообразить этого он не мог, — сказал полковник, — а действовал по верному своему инстинкту. Помните? Ещё вода не поднималась, а он уж к самой поверхности земли вылезал, а потом уходил от воды да постепенно и попал к нам на потолок!

Вечером я слышал, как на дворе Слезов разговаривал с Тищенко.

— Толково получилось у крота: от воды спасаясь и вон себе какую квартиру отыскал, — говорил Слезов. — Не боялся рядом с человеком поселиться для своего удобства.

— А что же? — ответил Тищенко. — Мы тоже на манер кротов живём, он и располагал, что мы с ним одной породы. В землянках обитаем и траншеи ведем...

Но, обращаясь к невидимому кроту, Слезов сказал:

— Однако человек тоже с тебя шкурки дерёт, значит, это дело тебе невыгодное, — к человеку лезть. Хорошо, что нам твоя шкурка без надобности. А то попал бы из воды да в поляны! Думаешь, мы траншеи и землянки копаем, так мы тебе полные товарищи? Не думай! Нам это — временное дело, а тебе в земле ходить всю жизнь.

Робин Гуд и шериф

Английская народная баллада

С. Маршак

Рис. О. Верейского

Двенадцать месяцев в году,
Считай иль не считай.
Но самый радостный в году —
Весёлый месяц май.

Вот едет, едет Робин Гуд
По травам, по лугам.
И видит старую вдову
При въезде в Ноттингам.

— Что слышно, что слышно у вас
в городке? —

Старуху спросил Робин Гуд.
— Я слышала, трое моих сыновей
Пред казнь священника ждут.

— Скажи мне, за что осудил их
шериф?

За что, за какую вину?
Сожгли они церковь, убили попа,
У мужа отбили жену?

— Нет, сударь, они не виновны ни в
чём.

— За что же карает их суд?

— За то, что они королевскую лань
Убили с тобой, Робин Гуд.

— Я помню тебя и твоих сыновей.
Давно я пред ними в долгу.
Клянусь головою, — сказал Робин
Гуд, —

Тебе я в беде помогу!

Вот едет, едет Робин Гуд
Дорогой в Ноттингам
И видит: старый пилигрим
Плетётся по холмам.

— Что слышно, что слышно, седой пилигрим? —

Спросил старика Робин Гуд.

— Три брата у нас в Ноттингамской тюрьме

На казнь этой ночью идут.

— Надень-ка одежду мою, пилигрим. Отдай-ка своё мне тряпье.

А вот тебе сорок монет серебром
И пей за здоровье моё!

— Богат твой наряд, — отвечал пилигрим, —

Моя одежонка худа.

Над старым в беде и над нищим в нужде

Не смейся, сынок, никогда.

— Бери, старичок, мой богатый наряд,

Давай мне одежду свою,

И двадцать тяжёлых монет золотых
Тебе я в придачу даю!

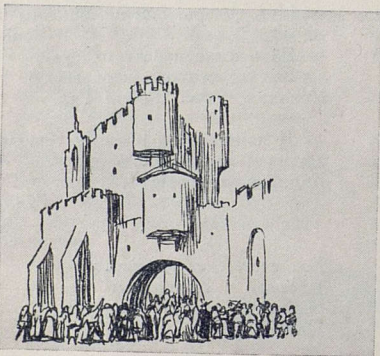
Колпак пилигрима надел Робин Гуд.
И был он безмерно высок.

— Клянусь головой, он слетит с головы.

Чуть тронет его ветерок!

Штаны пилигрима надел Робин Гуд.
Хорошие были штаны:

Прорехи в коленях, прорехи с боков.
Заплата пониже спины.

Надел Робин Гуд башмаки старика
И молвил: — Иных узнают
По платью, а этого можно узнать.
Увидев, во что он обут!

Надел он дырявый, заплатанный плащ,

И только осталось ему
Ключкой подпереться да взять на плечо
Набитую хлебом суму.

Идёт, хромая, Робин Гуд
Дорогой в Ноттингам,
И первым встретился ему
Шериф надменный сам.

— Спаси и помилуй, — сказал Робин Гуд. —

На старости впал я в нужду.
И если ты честно заплатишь за труд,
К тебе в палачи я пойду!

— Штаны и кафтан ты получишь старик,

Две пинты вина и харчи.
Да пенсов тринадцать деньгами я дам
За то, что пойдёшь в палачи!

И вдруг повернулся кругом Робин Гуд
И с камня на камень — скок.

— Клянусь головою, — воскликнул шериф, —

Ты бодрый ещё старичок!

— Я не был, шериф, никогда палачом,

Ни разу не мылил петлю.
И будь я в аду, коль на службу пойду
К тебе, к твоему королю!

Не так уж я беден, почтённый шериф.
Вгляни-ка на этот мешок,
Тут хлеба краюшка, баранья нога
И маленький звонкий рожок.

Рожок подарил мне мой друг Робин
Гуд.

Сейчас от него я иду.
И если рожок приложу я к губам,
Тебе протрубит он беду.

— Труби, — засмеялся надменный
шериф, —

Пугай воробьёв и синиц!
Труби сколько хочешь, покуда глаза
Не вылезут вон из глазниц!

Протяжно в рожок затрубил Робин
Гуд.

И гулом ответил простор.

И видит шериф: полтора ста коней
С окрестных спускаются гор.

И снова в рожок затрубил Робин Гуд,
Лицом повернувшись к лугам,
И видит шериф: шестьдесят молодцов
Несутся верхом в Ноттингам.

— Что это за люди? — воскликнул
шериф.

— Мои! — отвечал Робин Гуд. —
К тебе они в гости явились, шериф,
И даром домой не уйдут.

В ту ночь отворились ворота тюрьмы,
На волю троих отпустив.
И вместо охотников трёх молодых
Повешен один был шериф.

Весна

Будто пушечный выстрел пронёсся над рекой. Взломало лёд, и большие, тяжёлые льдины, громоздясь друг на друга, тронулись по течению. На Енисее начался ледоход.

Четыре мальчика заспорили о том, как выглядит первый цветок весны. Один сказал:

— Он весь яркожёлтый, он золотой, как весеннее солнце.

— Тычинки у него действительно золотые, — заметил другой, — но цветом и формой этот цветок похож на колокольчик: его пушистые лепестки лиловые.

— Пушистые, лиловые? — переспросил третий. — Да что ты! Они гладкие и белые, как снег.

— Вы, наверно, не различаете красок, — возразил четвёртый мальчик. — Первый весенний цветок — синий-синий, как небо.

Нет на свете такого цветка, который был бы одновременно лиловым и жёлтым, белым и синим. И всё же никто из мальчиков не солгал. Каждый из них говорил о первом весеннем цветке своего края: москвич — о мать-и-мачехе, сибиряк — о сон-траве, кавказец — о белом подснежнике, белорусс — о печёночнице.

Если бы собрать вместе все цветы, что весной распускаются первыми в различных уголках Советского Союза, получился бы огромный, как сноп, букет, и в причудливых перегибах его красок, голубых, синих, белых, сиренево-розовых, золотисто-жёлтых, ярких и нежных —

Зремусами называют белые и розовые весенние цветы пустыни. Это цветок-мгновение. Его жизнь длится короткое время, пока песок пустыни ещё хранит влагу весенних дождей.

отразилось бы всё богатство весенней палитры и великолепное разнообразие природы нашей чудесной страны.

Но, чтоб собрать этот букет, нужно не меньше чем четыре месяца. В необъятном по своим просторам Советском Союзе на юге весна начинается в феврале, на крайнем Севере — в мае. С юга на север шагает весна. С юга на север — с зимовки на родину — мчатся птичья стая. Помчимся и мы за ними и, окинув взглядом от края до края нашу страну, увидим в одно и то же апрельское утро и закат, и полдень, и первую зарю весны.

С грохотом разбиваются о берег волны Чёрного моря. Мы летим над побережьем Кавказа. Что это? Будто бледнорозовым снегом оделась земля. Нет, это не снег. Это цветущий сад. На полях колосится озимая пшеница, изумрудно-зелены всходы ячменя. Пастухи перегоняют стада на горные пастбища.

Яркая южная весна близится к концу.

Дальше, дальше на север держат свой путь птицы! Они торопятся домой. Перед нами степь в самом расцвете своей весенней красоты. В буйной зелени трав разноцветные брызги цветов. Парит в синеве степной орёл, выглядывая проснувшихся от зимней спячки сусликов. Остановиться бы здесь, послушать бы серебряную трель жаворонка, освежить бы губы росой, что сверкает в малиновой чашечке тюльпана, поднятой, как бокал, в честь прихода весны!.. По дальше на север мчится пролётная птичья стая. Домой, домой, к родному гнезду!

С детства знакомая ширь средне-русской равнины. Но откуда взялось здесь море, которого нет на карте? Это реки вышли из берегов, затопили луга и леса. Пылит ольха. Зеленоватая дымка стоит над ещё не одетым, прозрачным лесом, и в зелёном зеркале запорошённой пылью весенней воды отражаются белые стволы берёз. Сбросили зайцы зимний наряд, у горностая рождаются детёныши.

Здесь и остановится наша пролётная стая.

На крайний север, в Заполярье, птицам лететь ещё рано: там ещё крепки морозы, глубоки снега. Вязнут в сугробах лапы медведицы, выведшей на прогулку своих медвежат. Но и здесь стали дни

по-весеннему длинные. И чаще стал фыркать олень, почуяв в воздухе тёплое дыхание близкой весны.

Н. Надеждина

Повесть
Николая Чуковского

Рисунки
Б. Винокурова

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ПОИСКИ

1

Хорош ли Виталий Макарыч или плох, но ясно было одно: он, видимо, кое-что знал о жизни колиного папы в этом городе при немцах. И Коля решил во что бы то ни стало поговорить с ним и узнать всё, что он знает.

Однако оказалось, что дело это очень трудное: никак не представлялся подходящий случай. Виталия Макарыча он видел часто, но всегда на людях. А на людях разговаривать с ним о папе он не мог.

Колю перевели из бригады маляров в столярную бригаду, потому что на расспросы Виталия Макарыча он ответил, что когда-то сам смастерил тележку на четырёх колёсах. Стёпочка остался маляром, но красить крышу ему не разрешили. Крышу теперь красили взрослые рабочие, а школьники-маляры работали на дворе и красили отремонтированные столярными партия. Коля тоже работал во дворе и видел Стёпочку всё время.

Бригадиром столяров был Вова Кравчук, уже совсем большой мальчик, поступавший в девятый класс. У него были рыжие прямые волосы, торчавшие салпимшиями вихрами, и крупные рыжие веснушки на лице. Ресницы и брови у него тоже были рыжие, и даже цвет глаз был красный, как у кролика. Из коротких рукавов его куртки торчали большие красные руки, и вообще весь он был до того красен, что, когда касался свежевоструганных досок, казалось, будто на них должны остаться красные пятна. Он лучше всех мальчиков знал столярное ремесло, и сам уже редко пилил, строга и клеил, а только показывал, как это нужно делать. Его огромные старые ботинки, завязанные верёвками вместо шнурков, были полны опилок. С ватерпасом, складным метром и карандашом в руках он красными глазами молчаливо следил за работой. Иногда он протягивал руку, с необычайной точностью проводил по дереву черту карандашом и говорил: «Пили здесь». Или замечал: «Криво». Или: «Не строгай против шерсти». И отходил. И после каждого его замечания неладившаяся работа шла на лад.

В колении столярные способности он не поверил и дал ему поначалу странное поручение: выпрямлять гвозди. Гвоздей на строительство отпущено было недостаточно, и столяры заготавливали их сами, выдёргивая клещами из разрушенных стен старого здания. Все эти гвозди оказывались кривыми, и их нужно было выпрямлять. Коля каал их на железную доску, придерживая двумя пальцами, и бил молотком. Это занятие оказалось однообразным и нудным. Вова Кравчук требовал совершенно прямых гвоздей, чтобы их можно было вгонять в дерево по шляпку двумя ударами обуха, и Коля тратил на каждый гвоздь очень много времени. За два часа он выпрямил не больше полусотни, и очень устал, и кончил тем, что разбил себе палец в кровь неверным ударом молотка.

Увидев разбитый палец, Вова Кравчук пожалелся и перевёл Колю на совсем лёгкую работу — следить за костром, на котором варился столярный клей. Сначала Коле это понравилось — бросать в горячий котелок прозрачные янтарные плитки клея, помешивать их палочкой, подкидывать в костёр лёгкие стружки, мгновенножигаемые пламенем. Но скоро ему стало скучно. Мешать клеем и подкидывать стружки приходилось не так часто, и в промежутках нужно было сидеть сложа руки. От нечего делать он стал подбрасывать стружек так много, что пламя поднималось выше человеческого роста. Жар вынудил Колю отойти от костра на несколько шагов. Многие столяры прекратили работу и с любопытством уставились на ревущий, прыгающий огонь.

Вова Кравчук подошёл к костру. Коля был уверен, что получит от него нагоняй. Но Кравчук не сказал ни слова. Он молча принялся отскакивать парты подальше от огня, чтобы они не загорелись и не покоробились. Коля, спохватившись, стал помогать ему. Оттачив парты, Кравчук подобрался к самому огню и начал затапывать своими большими ботинками стружки, загоравшиеся вокруг. Рыжие волосы Кравчука были так похожи на пламя, что, казалось, голова его пылала.

Он постоял у костра, пока огонь не поник, и лишь тогда повернулся к Коле. «Ну, сей-

час начнётся разное», — подумал Коля, прямо смотря в глаза Кравчуку. Однако Кравчук не только не разнёс его, но даже замечания не сделал.

— Пойдём, я дам тебе рубанок, — сказал он Коле.

Это была третья попытка за один день использовать Колю в бригаде столяров. Коля в глубине души подливала терпению Кравчука. Неуверенно принял он из его рук рубанок, боясь, что снова осрамит.

Но на этот раз дело пошло, Коля работал на заготовке: стругал шершавые доски разной толщины, чтобы сделать их гладкими и одинаковыми. Пахучие тонкие стружки, курчавясь, ползли из рубанка. Работа эта оказалась умной работой: она требовала расчёта, постоянного внимания и, главное, особого умения чувствовать дерево, понимать, где оно твёрже, где мягче, как расположены в нём сучки, слои.

— Не нажимай. Легче, легче! — говорил, подходя к Коле, Вова Кравчук.

Через полчаса колени руки ходили уже сами собой, без всякого, казалось, усилия. Высунув кончик языка, Коля махал и махал рубанком, освобождая послушную, гибкую доску от всего, что было на ней лишнего. Тёплерь он чувствовал, что тоже строит школу.

Чтобы увидеть Стёпочку, ему стоило только поднять голову от верстака. Стёпочка оттащивала готовые парты в угол двора и там красил их. Он осторожно водил по партам маленькой кистью, потом отходил в сторону и с важностью оглядывал свою работу: всюду ли краска легла ровно? Когда он, идя за новой партией, приближался к верстакам столяров, Коля старалась встретиться с ним глазами. Но Стёпочка глядел на Колю так, словно не замечал его, словно Коля был столб или камень. Подходя к столярам, он разговаривал и шутил со всеми, но только не с Колей. Он не простил Коле отказа ехать с ним на Чёрное море и не скрывал этого. «Ну, и пускай», — думал Коля. Но в глубине души был огорчён.

Он чувствовал себя одиноком среди всех этих ещё не знакомых мальчиков, большинство из которых к тому же было старше его. Кроме Стёпочки в школе был только один человек, давно ему известный, — Агата. Но Агата сидела в сарайчике, наскоро сколоченном в углу двора из досок, и он видел её редко.

Там, в этом сарайчике, находилась нето контора строительства, нето склад. И этой конторой, этим складом, управляла Агата. Уходя, ей сдавали на хранение инструменты. По требованию бригадиров она выдавала гвозди, клей, мел, замаску, олифу, листовое железо, задвижки, шпингалеты, оконные стёкла. Иногда двери сарая открывались, и Агата появлялась на пороге. Худенькая, с милой ямочкой на подбородке, она серыми, широко расставленными глазами смотрела куда-то вдаль, над головами работающих мальчиков. И, глянув туда, куда глядела она, Коля всякий раз находил там Виталия Макарыча, спускающегося со школьного крыльца.

Виталий Макарыч неторопливо обходил всех работающих мальчиков: и столяров и маляров. Возле некоторых он останавливал-

ся, внимательно следил, как пилит какую-нибудь доску, но никому не делал никаких замечаний. Только иногда вдруг говорил:

— А ну, дай-ка мне.

Брал в свою левую единственную руку пилу, молоток, кисть или рубанок и принимался работать с необыкновенным проворством. И рубанок пилал легко, без натуги, пила пела веселее, гвозди входили в дерево, не сгибаясь, и краска, до сих пор ложившаяся пятнами, начинала ложиться ровным слоем. Он поднимал раскрасневшееся лицо, отдавал молоток столяру или кисть маляру и шёл дальше. И Коля удивлялся, что он одной рукой умеет всё делать лучше, чем другие двумя руками, и нравилось Коле, что он не кричит, не командует, не советует, а только показывает.

Вообще Виталий Макарыч начинал нравиться Коле, и Коля вынужден был в этом признаться. «В конце концов, он-то ведь не виноват, что сидит на папином месте, — думал Коля. — Должен же быть в школе заведующий учебной частью». И всё же Коля невольно чувствовал к нему неприязнь, нерасчётную, с которой никак не мог справиться.

Следя краем глаза за тем, как Виталий Макарыч двигался по двору, переходя от одного школьника к другому, Коля ждал, когда он подойдёт к нему. Он надеялся, что Виталий Макарыч сам заговорит с ним о папе. И Виталий Макарыч подходил к нему и останавливался у него за спиной. Чувствуя Виталия Макарыча у себя за плечами, Коля работал, не поворачивая головы, не глядя на него, и ждал. Но ничего не дождался. Виталий Макарыч не только не заговорил с ним о папе, но даже ни разу не сказал ему: «А ну, дай-ка мне» — и не взял у него из рук рубанка.

2

К пристани подошёл пассажирский паром, и, возвращаясь из школы, Коля встретил растяннувшуюся на целый километр толпу пассажиров. В самом конце этой толпы он вдруг увидел Архипова, того старичка, который помог ему и маме дотащить вещи с вокзала.

— Здравствуйте, — сказал Коля.

— Здравствуйте, — ответил Архипов, не повернув головы.

— Вы меня, кажется, не узнали, — сказал Коля.

— Вот ещё, не узнал! — сказал Архипов, останавливаясь. — Я вас даже там, на вокзале, узнал, никогда не видав. Я о вас целую зиму каждый день слышал.

— От кого?

— От Николая Николаича.

— От папы! — спросил Коля, задыхнувшись.

Архипов кивнул.

— Последнюю-то зиму он ведь у меня жил.

— У вас?

— Зайдите ко мне. Покажу, где он жил, если хотите...

— Хочу.

И Коля пошёл за Архиповым. «И чего это он сегодня не в духе? — думал Коля. — Оттого, наверно, что возвращается с пустыми руками».

— Вы были на пристани? — спросил он робко.

Архипов кивнул.

— И никто не дал вам понести вещи?

— Вот ещё! — сказал Архипов презрительно. — Это мне всё равно. Я помогаю вещи таскать, чтобы никто не спрашивал, зачем я хожу на вокзал и на пристань.

Он опять замолчал. «Зачем же он ходит на вокзал и на пристань?» — подумал Коля. И спросил наугад:

— Вы встречать кого-нибудь ходите?

Архипов вздрогнул, остановился и посмотрел на него с удивлением:

— А вы откуда знаете?

— Я не знаю, — смуглялся Коля. — Я так подумал... И не встретили?

— Опять не встретил, — сказал Архипов с досадой.

Они свернули вправо и вышли к реке. Река, озарённая заходящим солнцем, казалась огненной, пылающей. Взорванный мост был отсюда совсем недалеко, его громадный металлический скелет повис в воздухе; за ним сиял закат, и на закате чернело всё это чудовищное переплетение разорванных, спутанных, взметённых в небо балок. Временный мост, деревянный, был ещё ближе. По нему медленно полз бесконечный товарный состав.

Архипов подвёл Колю к обрыву и стал спускаться по тропинке. Береговой обрыв был здесь высок и крут, почти отвесен. Редкая, выжженная солнцем трава покрывала склон. Кое-где бурый камень выступал наружу.

Внезапно Архипов свернул с тропинки вправо. Коля шёл за ним, осторожно ступая, чтобы не сорваться вниз. И вдруг среди кустов ольхи увидел вход в пещеру, завешенный старым, рваным одеялом.

— Вы здесь живёте? — спросил Коля.

— Да.

— Сами вырыли?

— Вот ещё, стану я рыть! — сказал Архипов. — Я ещё мальчиком знал эту яму. Здесь брали камень, когда собор строили.

Он откинул одеяло, и Коля вошёл вслед за ним. Они оказались в тесной, тёмной и грязной землянке, самой убогой из всех, которые Коле пришлось повидать в городе. Окна не было. При тусклом свете, проникавшем через дверь, Коля разглядел узенькую кочку, заваленную тряпьем, жестяную печку, изогнутая труба которой выходила в ту же дверь, и большой комод, стоящий у стены. Скорее берлога, чем человечьи жилище. Несчастный старик, одинокий и заброшенный... Каким нужно обладать равнодушием к самому себе, чтобы до сих пор жить в такой норе!

— Присаживайтесь, — сказал Архипов.

Коля сел на койку. Второй койки тут никак не поставишь. Где же спал папа?

— Вы здесь давно поселились? — спросил Коля.

— Давно, — сказал Архипов. — Немцы сожгли мой дом, как только заняли город.

— Вы бы теперь построили себе что-нибудь получше.

— Очень надо. Мне всё равно, где жить. Хоть в вороньем гнезде.

Он взял с комода фотографическую карточку и протянул её Коле.

— Вот.

Коля подошёл к двери, чтобы лучше рассмотреть. На карточке, выцветшей и потускневшей, увидел он крыльцо с резьбой, а у крыльца деревянную лавочку; на лавочке сидел сам Архипов, молодой, важный, в блестящих сапогах, в пиджаке, в рубашке с вышивкой по вороту, а рядом с ним жена, полная, ещё совсем не старая, в платке и широком тёмном платье, и два мальчика: один лет семнадцати, другой лет пятнадцати. Коля знал, что оба эти мальчика убиты на фронте.

— А где ваша жена? — спросил он.

— Немцы увезли её в сорок втором году, — сказал Архипов. — Так и пропала.

Он взял карточку из коленных рук и положил её на комод.

— А теперь чем собираетесь заниматься? — спросил Коля.

— А теперь мне всё равно, — сказал Архипов.

— Опять в совхоз поступите?

— Нет, я теперь при школе. Виталий Макарыч меня к себе взял. Гардеробщиком у вещалки. А пока занятия не начались, выполняю разные его поручения... Хожу, наблюдаю...

— А вы давно Виталия Макарыча знаете?

— Давно. Не очень, конечно, давно. Он нездешний. Он позже всех к ним пристал.

— К кому пристал?

— А к партизанам. Он к ним пристал, когда они уже ушли из школы.

— Партизаны были в школе?

— Одно время они прятались в старом школьном здании, где гимназия когда-то помещалась. Вы сами видели: там в верхний этаж никак не заберётся, все лестницы переломаны, а они какой-то ход знали. А потом, когда стали они готовиться к одному важному делу, они все ушли оттуда и спрятались в разных местах. И ваш папаша поселился у меня...

— Как вам было тут тесно вдвоём! — сказал Коля, опять оглядывая каморку Архипова и стараясь понять, где здесь мог поместиться ещё такой рослый человек, как папа.

— Тесно? — засмеялся Архипов. — Да он не тут жил. Он жил ещё теснее. Хотите посмотреть?

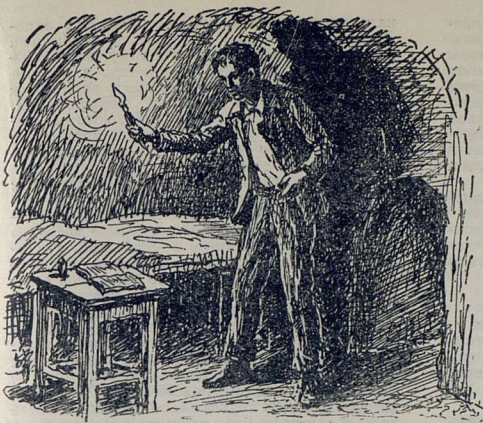
Архипов вдруг обхватил комод руками и сдвинул его с места, и Коля опять удивился силе этого щупленького старичка. Он с лёгкостью передвинул комод к двери, и в землянке стало совсем темно. В руке у Архипова вспыхнула зажигалка. Он поджёг лучинку и протянул её Коле.

При свете лучинки в земляной стене, позади комода, Коля увидел отверстие в полметра вышиной. Холодом и сыростью пахнуло Коле в лицо.

— Нагнись, нагнись! — сказал ему Архипов. — Полезай туда!

Коля нагнулся и, одной рукой касаясь липкого пола, в другой держа лучинку, полез в отверстие. Вскоре он почувствовал, что может поднять голову, и осторожно выпрямился. Макушка его упёрлась в земляной потолок.

Он осмотрелся. Находился он в крохотной комнатке, такой узкой, что, протянув руки, мог одновременно коснуться и правой стены

— Неужели папа мог тут жить?! — воскликнула Коля.

и левой. Вдоль одной из стен были устроены нарты, на которых лежал тюфяк. Возле нар стояла табуретка, а на ней скляночка с фитильком, служившая, безусловно, лампочкой, и раскрытая книга.

— Неужели папа мог тут жить?! — воскликнул Коля, чувствуя, что дрожит. — Как здесь холодно!

— Здесь только летом холодно, — сказал Архипов. — Зимой здесь теплей, чем у меня.

— Да ведь нарты ему коротки, потолок низок. Он не мог выпрямиться ни лёжа, ни стоя...

— А он и не выпрямлялся.

Лучинка догорала, огонёк подползал к коленим пальцам. Коле захотелось посмотреть, что это за книга, которую читал папа, сидя в этой норе. Он приподнял её с табуретки. Гоголь «Вечера на хуторе близ Диканьки». Весёлая книга!

Швырнув догоревшую лучинку, Коля, нагнувшись, пролез назад, в комнату Архипова, и сел на койку.

— Что, не понравилось? — спросил Архипов, ставя комод на прежнее место и наשמливо глядя в колыно побледневшее лицо. — А он не жаловался.

— Неужели он никогда не выходил оттуда?

— Нет, выходил. По ночам. Выйдет и сядет ко мне на койку, на то самое место, где вы сидите. А на лицу им было нельзя. Немцы всех их уже в лицо знали. Один Виталий Макарыч приходил сюда в гости. Он тогда только ещё объявился у нас в городе, немцы ничего ещё за ним не чуяли, и ему можно было ходить.

— А почему они все в лес не ушли? — спросил Коля. — Ведь партизаны всегда в лес уходили.

— Нельзя было от моста далеко отлучаться.

— От моста?

— Мост был для них важнее всего. Наши войска наступали, прижалились к городу, но

когда выйдут они в город, никто не знал. А партизанам поручено было взорвать мост, когда наши начнут штурмовать город, чтобы немцы на ту сторону не могли уйти. И они притаились здесь, в городе, и сидели. Больше всего боялись они, как бы их не захватили раньше времени, потому что, если их захватят, кто же взорвёт мост?

— Ну, и как же? — спросил Коля.

— Их захватили, — сказал Архипов угрюмо. — Ночью приходит сюда Виталий Макарыч и к вашему папе, за комод. Они поговорили там, за комодом, потом выходят оба. Николай Николаич поцеловал меня, и они ушли. Где-то они там собрались, в каком-то месте, а немцы выследили их и перебили.

— Всех убили?

— Восемнадцать человек, — сказал Архипов.

— А Виталий Макарыч?

— Он был ранен в голову и в руку, потерял сознание и упал. Они, видимо, приняли его за мёртвого. Утром он очнулся и дополз до деревни. Колхозники его спрятали, а

когда пришли наши, ему в госпитале отняли руку.

Он замолчал и задумался. Солнце село, в пещере стало темно, и только седея его голова смутно белела во мраке.

— Но ведь мост всё-таки взорвали! — сказал Коля.

— Взорвали, — проговорил Архипов. — И как раз вовремя.

— Кто же его взорвал?

— Не знаю, — сказал Архипов. — И никто не знает. Вот это-то и есть самое удивительное.

Его, видимо, самого до крайности волновал вопрос, кто взорвал мост, потому что он вдруг подсел к Коле ближе, стал говорить торопливо и почему-то шопотом:

— Весь город уже знал, что партизан убили. Наши разгромили немцев в десятки километров от города и гнали их прямо сюда, к реке. Все немецкие танки, и пушки, и грузовики со всех концов двинулись к мосту. Я сорвал одеяло с двери, стою и глажу, и вдруг такой взрыв, что меня чуть не поваляло. Я сам своими глазами видел, как два пролёта моста взлетели в воздух и этак медленно, боком шлёбнулись в воду. Пять месяцев я потом каждый день думал: кто взорвал мост? Спросить было не у кого. Но через пять месяцев является Виталий Макарыч, уже без руки, и, конечно, заходит ко мне. Я его спрашиваю: «Вы что-нибудь про мост знаете?» А он говорит: «Ничего». «Как же это, — спрашиваю, — мост сам собой взлетел на воздух?» «Если бы мы, — говорит, — это узнали, так мы тогда и всё узнали бы...»

— А что он ещё хочет узнать? — спросил Коля.

— Мало ли что, — сказал Архипов. — Ему видней. Он меня в тот раз спросил: «Ты чем собираешься заниматься, Архипов?» А я ему:

«Мне всё равно: сыновья убиты, жена пропала, мне и жить незачем». Вот он и предложил: «Пойди ко мне работать, согласен?» Я сказал: «Вообще мне всё равно, а к вам пойду с охотой, потому что из всех, кто здесь с немцами боролся во время оккупации, и кого я знал, и кто мне был мил, вы один остались». И вот посылает он меня то на вокзал, то на пристань, к каждому поезду и к каждому пароходу, чтобы не пропустить одного человека, который должен приехать в город.

— А зачем ему нужен этот человек? — спросил Коля.

— Видно, нужен, — сказал Архипов уклончиво. — Теперь все кого-нибудь ждут да ищут: время такое. Вон и Агафья Тихоновна всё ищет...

— Агата? Кого?

— Нищего с девочкой.

— Я знаю этого нищего, — сказал Коля.

— Его все здесь знают. Когда он был ненужен, я его на каждом углу встречал, а теперь, когда понадобился, он как сквозь землю провалился.

— А зачем он вам понадобился?

— Не мне, а Агафье Тихоновне. Она велела мне отнять у нищего девочку и привести её к ней.

На этом разговор Коля с Архиповым кончился. Уже темнело, и мама, наверно, вернулась со службы домой. Коля попрощался. Архипов просил его заходить, и Коля обещал. Он вышел из пещеры и зашагал по пустынным, темнеющим улицам. Ему хотелось побыть одному, подумать.

Тут было о чём подумать.

3

В годы эвакуации Коля редко разлучался с мамой даже на несколько часов. Когда мама работала в колхозе, он всюду бегал за ней — в поле, в огород, в лес, в коровник, в правление. Она полола гряды — и он полал. Она копала картошку — и он копал. В Челябинске зимой они расставали только на то время, которое он проводил в школе. Из школы он шёл домой; если же мама была на службе, шёл к ней на службу, потому что дома было холодно, а мама не позволяла ему самому топить печку.

Но здесь, в родном городе, с первых же дней получилось так, что Коля и мама были вместе только по ночам. Коля с утра уходил в школу на работу и проводил там весь день. Мама с утра шла на службу к себе в библиотеку и сидела там до тех пор, пока не начинало темнеть и она уже не могла различить букв.

В этой библиотеке, принадлежавшей горсовету, она работала и до войны. Теперь горсовет назначил её заведующей библиотекой.

Впрочем, пока она, в сущности, никем и ничем не заведывала. Да и неизвестно ещё было, есть ли у неё библиотека.

Домик библиотечный уцелел.

или, вернее, почти уцелел. Это был одноэтажный каменный дворянский особнячок, построенный лет полтораста тому назад, тёмножёлтый, с белыми колонками, с позолоченными ржавчиной железными решётками на высоких, узких окнах, хороненький, как скагулка. Стоял он в саду, который необычайно густо зарос за годы войны, и с улицы почти не был виден, заслонённый листовой клёнов, лип, берёз, бузины.

В начале оккупации немцы устроили в этом домике офицерскую столовку, или, как они называли, «казино». Книжные полки они сожгли в печах, а книги — несколько десятков тысяч томов — свалили в огромный, глубокий подвал, служивший, вероятно, когда-то винным погребом. В подвале этом вода стояла по колено. Через несколько месяцев немцы почему-то перевели «казино» в другое место, и домик с тех пор пустовал. Но немцы не забыли, что в подвале сложены книги, и перед уходом из города сделали попытку их сжечь. Вытащить из подвала у них уже не было времени, и они подожгли их, не вытаскивая. Однако в подвале было слишком много воды и слишком мало воздуха, и пожар скоро прекратился.

И маме прежде всего нужно было выяснить, что уцелело от библиотеки.

К счастью, ей вызвалась помогать Лиза Макарова, ученица восьмого класса, тоже недавно вернувшаяся со своей матерью из эвакуации. Это была тоненькая девочка с двумя светложёлтыми косичками, так туго заплетёнными, что они стояли торчком. Мама и Лиза по холодной каменной лестнице спустились в подвал и тащили оттуда груды обгорелой мокрой бумаги. Эти груды они сваливали прямо на пол в бывшем читальном зале, где в стене, под потоком, зияло пробитое снарядом отверстие, сквозь которое видно было небо. Устав бегать вниз и вверх по лестнице, они садились на корточки возле уже принесённых книг и начинали разбирать их.

Лиза стоит, держа в руках кипу книг, и верхнюю читает.

Тут были книги, совсем сгоревшие, были и такие, у которых обгорело только несколько страниц. Были книги, совсем загубленные водой, были и такие, которые только слиплись от сырости. Вода уничтожила те из них, что лежали в подвале внизу, огонь уничтожил те, что лежали наверху. Но из тех, что лежали посередине, многие почти уцелели. Сидя на полу на короточках, мама и Лиза сортировали книги, сваливали безнадежно погибшие в одну кучу, уцелевшие — в другую, те, которые надо просушить, — в третью, те, которые надо подклеить, — в четвертую. Это была работа, полная волнений, надежд и отчаяния. Они шумно радовались каждой находке.

— Третий том Тургенева! Почти сухой! — кричала Лиза в восторге.

Она откладывала третий том в сторону, туда, где уже лежали седьмой и девятый, найденные раньше. Появлялась надежда: а вдруг уцелело всё собрание сочинений Тургенева? Но через несколько минут мама находила жалкие остатки четвертого тома. Четвертый том сгорел. Поаною Тургенева в библиотеке не будет.

Лиза была бы отличной помощницей, если бы не её страсть к чтению. Она больше всего на свете любила читать и могла читать сколько угодно часов подряд. Её мама по вечерам силой отнимала у неё книгу, чтобы она легла спать. На уроке, в школе, учительница, бывало, заметив, что Лиза читает, сердилась и кричала на неё, но Лиза ничего не слышала, продолжала читать, и весь класс хохотал. Работать в библиотеке Лиза вызвалась потому, что там было много книг. Но страсть к чтению мешала ей в работе. Она сразу зачитывалась всякой книгой, которую раскрывала. Пойдёт за книгами в подвал и вдруг исчезнет, пропадёт. Колина мама отправляется её искать и находит на лестнице: Лиза стоит, держа в руках тяжёлую кипу книг, и верхнюю из них читает. Начнёт Лиза сортировать книги на полу, и вдруг затихнет, словно заснула. Колина мама оборачивается и видит: Лиза сидит на короточках, выставив кверху косички, как два рога, и читает.

Каждый день во время обеденного перерыва, когда в школе работы прекращались, Коля приходил к маме в библиотеку, и это были самые приятные для него часы. По дороге он заходил в булочную и брал хлеб, потом — в столовую и брал два обеда: суп — в бидон, второе — в кастрюльку. В библиотечном садике было тенисто даже в самые жаркие дни. Солнечные блики лежали на траве, птицы пели в густых ветвях. Подняв голову, Коля сквозь листья видел заржавленную железную крышу библиотеки и на ней разложенные для просушки раскрытые книги. Это была мамина выдумка: сушить книги на крыше, которая в жаркие дни нагревалась солнцем так, что до неё нельзя было дотронуться. Среди этих разложенных по всей крыше книг нередко сидела и Лиза. Её, конечно, послали туда только на минутку, чтобы разместить на солнцёпёке новую кипу промокших томов, но она, раскрыв один из них, вдруг зачиталась и, несмотря на палящий жар солнца, сидела так неподвижно.

что даже голуби бесстрашно клевали её в ноги.

Прежде чем войти в дверь, Коля подходил к окну читального зала и заглядывал внутрь. Окно это, как и все окна библиотеки, было выбито. В просторной комнате, наполненной сумраком, он видел громадные груды книг и маму, которая среди этих груд казалась совсем маленькой. Мама сидела на полу и раскладывала книги.

— Марфинька, я пришёл, — говорил он негромко.

Мама подымала голову, откидывала ладонью волосы, упавшие на лоб, взглядывала в окно и улыбалась. Он знал, что так она улыбается только ему одному: во весь рот, показав все свои влажные белые зубы. У неё были замечательно ровные зубы, и только на одном, с краю, была шербинка: когда-то, ещё до кояниного рождения, мама пыталась вытащить зубами пробку из бутылки, и этот зуб сломался. Коля много раз слышал историю этого зуба и радовался, когда мама улыбалась так, что зуб с шербинкой был виден.

И Коля входил, и мама веала его мимо книжных гор в комнату, где сохранился маленький столик — единственный столик в библиотеке. Мама накрывала столик газетой, нарезала хлеб, расставляла тарелки и разливала суп, ещё не успевший остыть. А тем временем Коля, высунувшись в окно, звал с крыши Лизу. И они втроем садились вокруг стола на толстые поленья, так как стульев не было, и обедали вместе.

Коля любил этот обеденный час. Ощущение покоя и радости охватывало его. В библиотечном домике было прохладно и тихо. Весь мир отступал на этот час далеко-далеко, и оставались только Коля, мама и застенчивая Лиза Макарова.

И Коля был неприятно удивлён, когда на другой день после разговора с Архиповым он, подходя к окну читального зала, услышал какой-то мужской голос. Кто мог быть у мамы в библиотеке? Коля осторожно заглянула в окно. И удивился ещё больше. Посреди читального зала стоял Виталий Макарыч и держал своей левой рукой маму за правую руку. Мама, рядом с ним такая маленькая, смотрела ему в лицо, высоко закинув голову, и щеки её были бледны от волнения. Виталий Макарыч мурло и строго сдвинул брови. Он, видимо, собирался уходить и прощался. Коля слышал, как он сказал:

— Нам ещё о многом придётся поговорить, Марфа Петровна.

Зачем здесь этот странный человек? Именно странный. Коля часто думал о Виталии Макарыче и до своего разговора с Архиповым и особенно после, и чем больше думал, тем страннее он ему казался... Зачем здесь этот странный человек, который, несомненно, больше всех знает о папе?

— Я зайду за вами вечером, — сказала Виталий Макарыч маме.

Дверь библиотеки отворилась, и Виталий Макарыч вышел в сад. На Колю он не взглянул. Большими шагами прошёл он через сад и вышел на улицу.

Вечером, когда Коля пришёл из школы домой, мамы дома ещё не было. Уже почти стемнело, когда он услышал за окном мамин

голос. Мама стояла в воротах и с кем-то разговаривала. «Наверно, это Виталий Макарыч проводил её до дому», — подумал Коля. Но мама уже попрощалась, быстро прошла через дворик и вошла в дом.

Коля лежал на своём тюфячке под «верями-мерями», а мама сидела за столом перед скляночкой с горящим фидильком, когда дверь отворилась и вошла Агата. Она села за стол рядом с мамой, и они заговорили шопотом.

Коля не прислушивался, он уже почти спал, когда вдруг разговор стал немного громче, и он волей-неволей стал слушать.

— Ты любишь его? — спросила мама.

— Люблю, — сказала Агата.

— Когда же вы поженитесь?

— Не знаю, — ответила Агата. — Он не может жениться, пока не кончит одного дела.

— Какого дела?

— Пока не найдёт одного человека.

4

На следующее утро Коля пошёл в школу. Вышел он очень рано и шагал не торопясь. Он шёл и думал.

Сначала он думал о Стёпочке. Стёпочка с ним больше не разговаривает. Не хочет — не надо, Коля не станет огорчаться... Впрочем, в глубине души он знал, что очень огорчён своим разладом со Стёпочкой. Стёпочка скоро будет на Чёрном море... Ох, как хотелось бы Коле поехать на Чёрное море вместе со Стёпочкой..

Потом он стал думать о Виталии Макарыче. Виталий Макарыч сказал Агате, что ждёт одного человека, и это верно; он, действительно, кого-то ждёт, так и Архипов сказал Коле. Кого он ждёт?

После рассказа Архипова о том, что папа и Виталий Макарыч ушли на тайное собрание партизан, получивших приказ взорвать мост, и как партизаны были убиты там немцами — все, кроме Виталия Макарыча, которому удалось спастись, — Коля только об этом и думал. Где было это собрание? Как немцы узнали о нём? Что делал, и говорил, и думал папа в эти последние часы или, быть может, минуты перед гибелью? И кто взорвал мост, если все партизаны были убиты? И где их похоронили? Где папина могила?

Обо всём этом мог бы рассказать только этот высокий безрукий, курчавый человек, который, строя школу, занят в то же время какой-то странной деятельностью, никому не понятной. Он ждёт кого-то.

Коля сам удивлялся, почему эти загадки так его мучат. Не всё ли ему равно, кого ждёт Виталий Макарыч? Но нет, ему было совсем не всё равно. Он смутно чувствовал, что существует какая-то связь между смертью папы и мостом, который взорвал неизвестно кто, и ожиданием Виталия Макарыча.

Он много думал об этом, но от думать ничего не становилось яснее. Он даже не знал, нравится ли ему Виталий Макарыч. Вначале он ему не понравился. Коля, конечно, сам понимал, что не понравился ему Виталий Макарыч только оттого, что сидел в папином кресле. И зачем он ходит к маме в библиотеку? Почему-то Коле это тоже не нравилось.

Но Коля с отвращением глядел от себя также

мысли. Он понимал, что они ровны ни на чём не основаны. Как смел он так думать о человеке, который был другом его отца? Ведь папа, наверно, любил его и уж, конечно, ему доверял: они были вместе в одном отряде. Виталий Макарыч — герой, отважный партизан, потерявший руку в бою и чудом спасённый. А как он работает и как умеет заставить работать других — просто, без всякого принуждения! Часто вспоминалось Коле, с каким ужасом следил Виталий Макарыч за Стёпочкой, когда тот шёл по железной балке над двором. Как он потом обнял Стёпочку и поднял своей единственной рукой. Он добрый человек, и Агата права, что его любит. Коля, может быть, и сам бы его полюбил, да ещё как, если бы только Виталий Макарыч поговорил с ним, рассказал бы ему всё. Но Виталий Макарыч не заговаривал, Коле даже стало казаться, что он просто не хочет с ним говорить, вот и всё...

Коля всегда немного робел в присутствии взрослых, и самому начать разговор с Виталием Макарычем было ему нелегко. Особенно такой разговор.

Но в это утро Коля решил, что заговорит с Виталием Макарычем во что бы то ни стало, хочет он или не хочет. Коля подошёл к нему и скажет: «Мне надо с вами поговорить». И Виталию Макарычу будет нелегко отвертеться.

Размышляя, он шёл в школу обычным своим путём — узкой тропинкой среди густых зарослей бузины. Тропинка была глухая и в этот ранний час совсем пустынной. Бузина, с гроздьями красных ягод, сплошной стеной стояла по обеим её сторонам, скрывая в своей глубине развалины разбитых домов. Извилистая тропинка вдруг повернула, и Коля внезапно увидел того ничего-сленца, которого встретил на вокзале в день своего приезда.

Коля увидел только спину, потому что нищий шёл в том же направлении, что и он, но сразу узнал его. Правой рукой нищий оперся на железную палку.левой рукой держал он руку девочки.

Тропинка сделала ещё поворот, и Коля потерял их из виду. Как жаль, что нет здесь Архипова! Коля, конечно, сам не может отнять эту девочку. Что же делать? Бежать за Архиповым? Но пока он побегит, нищий с девочкой успеют уйти. Нет, лучше узнать, куда они идут, где скрываются. И Коля решил не отставать.

Он шёл за ними следом. Они то скрывались за поворотом тропинки, то появлялись вновь. Коле пришлось замедлить шаги, потому что двигались они небезруко. Слепой, казалось, не вполне доверял своему маленькому поводырю и всё время цупал перед собой земаю железной палкой.

Они шли туда же, куда и он, — к школе. Тропинка в конце концов приводила к площадке перед новым зданием школы, к той самой площадке, которая была видна из окна кабинета Виталия Макарыча. Коля уже думал, что сейчас они выйдут на площадь, как вдруг девочка и слепой свернули с тропинки влево и скрылись за кустами бузины.

Коля подбежал к тому месту, где они свернули, и увидел другую тропинку, отходящую

бок, узкую, почти заросшую, по которой, видимо, очень редко ходили. Коля пошёл по ней, стараясь не терять ничего из виду, и заметил, что она всё время сворачивает вправо, в обход площади.

Но, чтобы обойти площадь, им всё же необходимо было пересечь улицу. На улице в этот ранний час народу было совсем немного, однако нищий, пересекая её, так заторопился, зашагал так быстро, что девочке пришлось бежать рядом с ним. Коле показалось это странным: разве не было бы естественнее для нищего, живущего подаянием, искать самых людных мест, где ему могли бы подать милостыню?

На другой стороне слепой и девочка торопливо вошли в ворота дома. Коля — за ними. Переходя со двора на двор, они продолжали сворачивать вправо и, наконец, очутились позади старого здания школы.

Коля никогда не был в этом месте. Старое здание школы он до сих пор видел только со стороны школьного двора. Отсюда, сзади, оно казалось ещё чудовищней. Громадной скалой повисло оно над кварталом сгоревших деревянных домиков, теперь необитаемых, пустынных и почти непроходимых: столько здесь выросло чертополоху, столько было ям, столько валялось кирпичей, брёвен, камней, ржавых железных листов. И ещё сильнее, чем со стороны школьного двора, было впечатление, что здание это, разрушенное снизу, плывёт в воздухе, почти не касаясь земли, держится только чудом и вот-вот обрушится, задавив вокруг всё живое.

Коля остановился, но без трепета глядя вверх. Но слепой, держа девочку за руку, звеня палкой и с трупом переступая через груды кирпича, шёл прямо к зданию. И Коля пошёл за ним.

В стене здания, внизу, была широкая пробоина, похожая на огромную неправильную арку. В это яркое, солнечное утро казалось, что там, под аркой, почти совсем темно. Только отдельные солнечные лучи, вошедшие внутрь через верхние окна и минувшие обрушившиеся перекрытия этажей, пронизывали здание до самого дна, и от этого мрак вокруг них становился ещё гуще. Пространство внутри многоэтажного пустого дома казалось полосатым: полоса света, полоса тьмы. Подходя вслед за слепым к пробоине, Коля заметил, что внутри, в одной из полос тьмы, что-то шевелится.

Вглядываясь, он смутно различил нагнувшегося человека, который рылся в груды кирпича и извёстки.

Человек этот внезапно выпрямился, шагнул в сторону и оказался в полосе света.

Это был Виталий Макарыч.

Он стоял к пробоине почти спиной, однако Коля узнал его мгновенно.

Слепой вдруг остановился, и так резко, что девочка, которую он держал за руку, от неожиданности чуть не упала. Потом повернулся и побежал.

Он бежал со всех ног, прыгая через брёвна и кирпичи, волоча за собой железную палку и девочку. Девочка не попевала, падала, но он дёргал её за руку, подымал и волочил

Он бежал со всех ног, волоча за собой девочку.

дальше. Коля видел его безобразное лицо, видел его глаза.

Это были глаза зрячего человека.

Да, да, слепой не был слепым: он видел всё не хуже Коли! Он издали замечал ямы и обегал их кругом, он увидел Колю, и беспокойство мелькнуло у него в глазах, и шагов за десять от Коли он свернул в сторону, чтобы с ним не столкнуться.

Коля так оторопел, что не сдвинулся с места, пока нищий, и девочка, и гремучая железная палка не скрылись за развалинами кирпичных труб, в зарослях чертополоха. Когда Виталий Макарыч, стоя в столбе света, повернул голову на шум, никого уже не было. Виталий Макарыч шагнул в глубину здания и сразу исчез в темноте.

Коля домчался до пробоины и вскочил в неё, крича:

— Он видит, Виталий Макарыч! Он всё видит!

Но в старом здании школы Виталия Макарыча уже не было. Виталий Макарыч словно растворился в сыром сумраке, наполнявшем пустой дом. Высокие, гулкие своды напрасно повторяли колин крик.

(Продолжение следует.)

Слепая лошадь

К. Ушинский

Рис. Ю. Кискачи

Давно, очень уже давно, когда не только нас, но и наших дедов и прадедов не было ещё на свете, стоял на морском берегу богатый и торговый славянский город Винета; а в этом городе жил богатый купец Уседом, корабли которого, нагружённые дорогими товарами, плавали по далёким морям.

Уседом был очень богат и жил роскошно: может быть, и самое прозвание Уседома или Всеодома получил он от того, что в его доме было решительно всё, что только можно было найти хорошего и дорогого в то время; а сам хозяин, его хозяйка и дети ели только на золоте и серебре, ходили только в соболях и парче.

В конюшне Уседома было много отличных лошадей; но ни в уседомовой конюшне, ни во всей Винете не было коня быстрее и красивее Догони-Ветра, — так прозвал Уседом свою любимую верховую лошадь за быстроту её ног. Никто не смел садиться на Догони-Ветра, кроме самого хозяина, и хозяин никогда не ездил ни на какой другой лошади.

Случилось купцу в одну из таких поездок по торговым делам, возвращаясь в Винету, проезжать на своём любимом коне через большой и тёмный лес. Дело было под вечер, лес был страшно тёмн и густ, ветер качал верхушки угрюмых сосен; купец ехал один-одинёшенек и шагом, сберегая своего любимого коня, который устал от дальнейшей поездки.

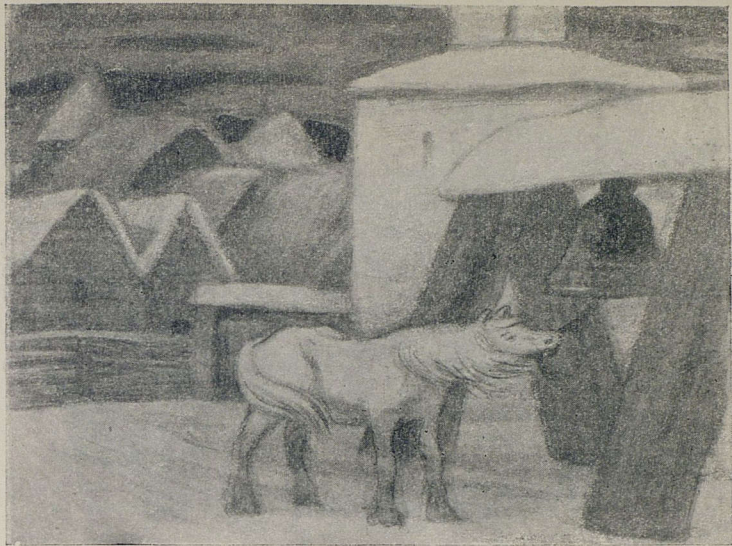
Вдруг из-за кустов, будто из-под земли, выскочило шестеро плечистых молодцов, с зверскими лицами, в мохнатых шапках, с рогатинами, топорами и ножами в руках; трое были на лошадях, трое пешком, — и два разбойника уже схватили бы лошадь купца за узду. Не видать бы богатому Уседому своей родимой Винеты, если бы под ним был другой какой-нибудь конь, а не Догони-Ветер! Почуяв на узде чужую руку, конь рванулся вперёд, своей широкой, сильной грудью опрокинул на землю двух дерзких злодеев, державших его за узду, смял под ногами третьего, который махал рогатиной, забегал вперёд и хотел было преградить ему дорогу, и по-

мчался как вихрь. Конные разбойники пустились вдогонку; лошади у них были тоже добрые, но куда же им догнать уседомова коня! Догони-Ветер, не смотря на свою усталость, чуя погоню, мчался, как стрела, пущенная с туго натянутого лука, и далеко оставил за собой разъярённых злодеев. Через полчаса Уседом уже въезжал в родимую Винету на своём коне, с которого пена клоучьими валилась на землю.

Слезая с лошади, бока которой от усталости подымались высоко, купец тут же, трепля Догони-Ветра по взмыленной шее, торжественно обещал, что бы с ним ни случилось, никогда не продавать и не дарить никому своего верного коня, не прогонять его, как бы он ни состарился, и ежедневно, до самой смерти, отпускать коню по три меры лучшего овса.

Но, поторопившись к жене и детям, Уседом не посмотрел сам за лошадью, а ленивый работник не выводит измученного коня, как следует, не дал ему совершенно остыть и напоил его раньше времени. С тех самых пор Догони-Ветер и начал хворать, хилеть, ослабевать на ноги, наконец ослеп. Купец очень горевал и с полгода верно соблюдал своё обещание: слепой конь стоял попрежнему на конюшне и ему ежедневно отпускалось по три меры овса. Уседом купил себе другую верховую лошадь, и через полгода ему показало слишком нерасчётливо давать слепой, никуда негодной лошади по три меры овса, и он велел отпускать две. Ещё прошло полгода: слепой конь ещё был молод, приходилось кормить его долго, и ему стали отпускать по одной мере. Наконец и это показалось купцу тяжело, и он велел снять с Догони-Ветра узду и выгнать его за ворота, чтобы не занимал напрасно места в конюшне. Слепому коню работники выпроводили со двора палкой.

Бедный слепой Догони-Ветер, не понимая, что с ним делают, не зная и не видя, куда итти, остался стоять за воротами, опустивши голову и печально шевеля ушами. Наступила ночь, пошёл снег, спать на камнях было жёстко и холодно для бед-

ной слепой лошади. Несколько часов простояла она на одном месте; но, наконец, голод заставил её искать пищи. Поднявши голову, нюхая в воздухе, не попадётся ли где-нибудь хоть клоч соломы со старой, осунувшейся крыши, брела на удачу слепая лошадь и натыкалась беспрестанно то на угол дома, то на забор.

Надо вам знать, что в Винете, как и во всех старинных городах, не было князя, а жители города управлялись сами собою, собирались на площади, когда нужно было решать какие-нибудь важные дела. Такое собрание народа для решения его собственных дел, для суда и расправы, называлось вече. Посреди Винеты, на площади, где собиралось вече, висел на четырёх столбах большой колокол, по звону которого собирался народ, и в который мог звонить каждый, кто считал себя обиженным и требовал от народа суда и защиты. Никто, конечно, не смел звонить в вечевой колокол по пустякам, зная, что за это от народа сильно достанется.

Бродя по площади, слепая, глухая и голодная лошадь случайно набрела на столбы, на которых висел колокол, и, думая, быть может, вытащить из стрехи пучок соломы, схватила зубами за верёвку, привя-

занную к языку колокола, и стала дёргать; колокол зазвонил так сильно, что народ, несмотря на то, что было ещё очень рано, толпами стал сбегаться на площадь, желая знать, кто так громко требует его суда и защиты. Все в Винете знали Догони-Ветра, знали, что он спас жизнь своему хозяину, знали обещание хозяина — и удивились, увидя посреди площади бедного коня, слепого, голодного, дрожащего от стужи, покрытого снегом. Скоро выяснилось, в чём дело, и когда народ узнал, что богатый Уседом выгнал из дому слепую лошадь, спасшую ему жизнь, то единогласно решил, что Догони-Ветер имел полное право звонить в вечевой колокол. Потребовали на площадь благодарного купца; несмотря на его оправдания, приказали ему содержать лошадь попрежнему и кормить её до самой смерти. Особый человек представлен был смотреть за исполнением приговора, а самый приговор был вырезан на камне, поставленном в память этого события на вечевой площади.

Говорят, впрочем, что не нужно было ни разу принуждать Уседома к исполнению вечевого приговора: купец почувствовал всю черноту своего поступка, кормил и холил слепую лошадь до её смерти.

Рисунки П. Алякринского

СОВЕТ МАСТЕРА

1700 году под Нарвой разбили шведы русских.

Не устояли наёмные иностранные офицеры. Войско побежало, и только новые, Преображенский и Семёновский, полки не поддались страху и не дали шведам уничтожить наше войско.

Артиллерия русская была брошена, а создана она была с большим трудом.

Уже под Новгородом делали укрепления, в Москве чинили кремлёвские стены, но сражаться без оружия с хорошо вооружённым противником было нельзя.

Денег тоже не было, потому что денежная казна досталась неприятелю.

Сам Пётр был в Новгороде, собирая остатки разбитой армии. Заметил он однажды, что перед окошком его дома взад

и вперёд ходит худо одетый посадский человек. Он послал спросить, чего тот человек хочет.

Посадский отвечал:

— Хочу помочь горю государя.

Посадского привели к царю. Царь спросил:

— Какое у тебя дело?

— Всемилостивейший государь, — сказал он, — я пушкарь и знаю, о чём ты думаешь. Думаешь ты о потере артиллерии и гадаешь, откуда достать меди на вылитие новой. Не правда ли?

— Правда та без пользы, — сказал царь.

— Всемилостивейший государь, поднеси мне чарку вина. Умираю с похмелья, а денег нет ни полушки.

— По дерзости судя, с делом при-

шёл, — сказал государь. — Дайте ему чарку.

Мастер выпил.

— Ну, говори, — сказал царь.

— Всемиловистейший царь и ваше величество, прикажи подать другую чарку. Истинно, не опохмелился одной.

— Томишь, — сказал царь. — Поднесите же вторую чарку.

Выпил мастер вторую.

— Теперь доволен. Так вот: меди, государь, у тебя много. Посмотри, сколько ненужных при церквах колоколов. Возьми половину. Коли швед придёт, всё равно колокола снимет, к себе увезёт. Так он в лихое время уже здесь делал. А пушки

отлив, мы врага одолеем: бог сильных любит. Пока половина колоколов ему звонить будет. Возьмём вражи пушки, наделаем колоколов, сколько хочешь, — и звону станет опять довольно.

Пётр Алексеевич улыбнулся, сказал:

— Камень, которым пренебрегли строители, поставлен будет во главе угла.

Была ли дана мастеру награда, кроме двух чарок вина, — неизвестно, и имя мастера тоже неизвестно, но дело это записано тогда же Крекшиным и свидетелем тому были многие пушкарки.

Умел Пётр слушать, и верили люди, что ему можно говорить.

I

огда Карл услышал, что Пётр построил город на Неве, то сказал:

— Пусть Пётр строит

города — я их умею брать.

Петербурга же никто и никогда не взял и взять не сможет.

Но Пётр умел строить не только города, но и государства. Пушкин написал про него в «Полтаве»:

«В гражданстве северной державы,
В её воинственной судьбе,
Лишь ты воздвиг, герой Полтавы,
Огромный памятник себе».

Полтава — счастливейший день Петра, и хотя не укладывается повесть об этой битве в краткой заметке, но не упомянуть о Полтаве было бы несправедливо, и все записи о Петре не имели бы должного смысла без рассказа о бое.

Карл стремился к славе, добивался побед. Пётр упрямо и сознательно уклонялся от большой баталии и писал, что только отчаянные вертогалвы думают, что война решается одними сражениями.

Пётр вёл войну, постепенно отсекая от шведской армии кусок за куском.

II

Карл вошёл на Украину, надеясь на помощь изменника Мазепы. Мазепа, гетман, поднялся на своё место многими предательствами, обманами, изменами, но до той поры казался Петру человеком верным. А Пётр был к людям своим доверчив.

Был Мазепа в молодости склонен к разного рода приключениям, воспитан был иезуитами. К старости этот смолоду буйный человек стал коварным, осторожным, годами готовя измену.

Но малый разум не помогает в истории. Пётр, опрометчивый, быстрый, гневный, имел великую цель и не хитрил, а строил.

Потому он оказался победителем, что не на одного себя работал.

III

Карл пошёл к Полтаве на соединение с полком Мазепы.

Полтава не сдавалась. Шведы подкопали жолтавский вал, но полтавцы сделали

контр-подкоп и вынули порох из шведского подкопа. Это Полтаву спасло, потому что у неё уже не было своего пороха. Шведы атаковали Полтаву неоднократно и уже всходили на вал. Горожане бились на стенах, дрались даже женщины и дети. Когда однажды один полтавчанин предложил сдаться врагу, то его повели в церковь, исповедали, причастили, приготовив к смерти, а потом убили камнями у церковного входа.

Так держалась Полтава.

Пётр, наконец, подошёл на помощь. Был Пётр осторожен, незаартен. Он столько строил, столько собирал, что колебался ставить всё на карту решительного сражения.

То было 27 июня 1709 года.

К Петру должны были подойти на помощь новые полки. Немец, унтер-офицер, перебежал к шведам и их об этом известил.

Он сказал им также, что в составе русской армии есть два полка из рекрутов и они от других тем отличны, что мундиры на солдатах из серого сукна. Не хватило краски для того, чтобы придать их мундирам форменный вид.

Пётр известил полтавцев о своём прибытии при помощи бомб, в которые были положены письма, и тем же путём получил ответ, что Полтаве трудно.

Для того чтобы удержать первый натиск шведов, Пётр поставил редуты. Это были несомкнутые укрепления — для того времени большая новость. Редуты шли от

одного леса до другого, и кроме того были другие редуты, под углом, чтобы разделить будущую атаку шведов.

Шведы тронулись до восхождения солнца.

Они ударили на новые полки, не зная, что Пётр серые мундиры велел надеть на испытанные войска.

Карл, легко раненый в разведке перед боем, ехал в качалке, прикрепленной между двумя конями. Он заранее поздравил своих генералов с победой, сказавши, что к вечеру шведы будут обедать в царских шатрах.

Шведы пошли на редуты, но пушки наших укреплений оторвали от правого неприятельского полка шесть батальонов пехоты, несколько эскадронов конницы и угнали их в лес. Главная шведская армия пробилась через редуты с потерями и была атакована нашей кавалерией.

Русской кавалерией командовал сперва Рен — он был ранен. Его заступил Боур. Боур, по приказу, отступал. Неприятель его преследовал и был принят пушками во фланг. Между тем Пётр отрядил Меншикова порубить отступившую в лес шведскую кавалерию.

Меншиков это выполнил и по дороге заставил положить оружие резервный

шведский отряд. Тогда начался главный бой. Конница правого крыла была под командой Боура, на левом — Меншикова. Артиллерией управлял генерал-поручик Брюс. Шведы были уже частично расстроены. Войска сошлись. Бой не продолжался и двух часов. Шведы были разбиты.

Военные теоретики того времени говорят, что победа была решена редутами — новостью для того времени.

Шведы были разбиты, хотя их армия доходила до пятидесяти тысяч. Наших было несколько больше, но всё было решено войсками первой линии — отборными десятью тысячами. Карл бежал.

Голицын и Боур преследовали бегущих. Число пленных шведов доходило до двадцати четырёх тысяч. Вечером Пётр пригласил пленных военачальников ужинать в свой шатёр.

Так исполнилось пожелание Карла: шведы обедали в русских шатрах.

Двадцать восьмого хоронили мёртвых. Пётр плакал и велел писать к отцам убитых утешительные письма. Сам он писал письмо к Апраксину о том, что непобедимые господа шведы свой хребет показали и что победа досталась малой кровью.

СЕРЕБРЯНАЯ ПОСУДА

енег после нарвского поражения не было. Вспомнил Пётр, что в Москве, в Оружейной палате, много серебряной

посуды, столетиями накопленной. Отправил он приказ князю Петру Ивановичу Прозоровскому, чтобы всю посуду расплавить, перечеканить на деньги в Замоскворечном монетном дворе.

Прозоровский в скором времени деньги прислал. Через шесть лет Пётр победил под Полтавой и вошёл в Москву через Триумфальные ворота. Празднества Пётр любил. Торжество продолжалось с 18 декабря по 1 января.

Москвичи развели костры перед своими домами и поставили для армии на улицах столы с едой и напитками. Много было сделано триумфальных ворот. На Красной площади перед Кремлём поставлен был храм Трудолюбию и Подвигам. По сторонам храма — две большие пирамиды с разными картинами. На картинах изображалось овладение Балтийским морем и основание Кронштадта. Были надписи — одна была из греческой истории Фукидида. Перевели её так:

«Всяк владения чужого желатель
Злого конца бывает взыскатель».

Была надпись: «Зле начатое — злейший конец приемлет». Была ещё одна надпись:

«Однакожь, надеясь на мир, не подлежит ослабевать в воинском деле».

На одной стороне пирамиды выставлена была шпага Карла XII, отнятая под Полтавой. Над ней было написано: «Они ушли, побеждённые лучшим оружием».

Шли русские полки в Москву через Серпуховские ворота. Звонили колокола, впереди войска шли двадцать четыре трубы и шесть литавриков, потом гвардии Семёновский полк со знамёнами, за ними шведская артиллерия, знамёна, музыкальные инструменты на возах и неисчислимое множество пленных во главе с генералами.

Звонили московские колокола.

Корабли везли на саях по снегу. Мальчики в бархатных костюмах ставили на кораблях паруса и показывали москвичам морскую лихость.

Пётр шёл пешком с полтавской шпагой в руках. Вечером должен был быть ужин не менее чем на тысячу персон. Пётр вызвал Прозоровского, спросил его:

— Ну, чем столы уберём?

— Посудой серебряной, — ответил Прозоровский.

— На деньги переделана, старик.

— Нет, Пётр Алексеевич, у меня была сбережена довольно большая сумма денег, а посуду я спрятал, пожалев её высокую работу, а деньги есть ещё.

— Покажи.

— Ваше величество, — сказал Прозоровский, — покажу, только не бери с собой фельдмаршала Меншикова. Он на разные дела искусник, но деньги размытарит.

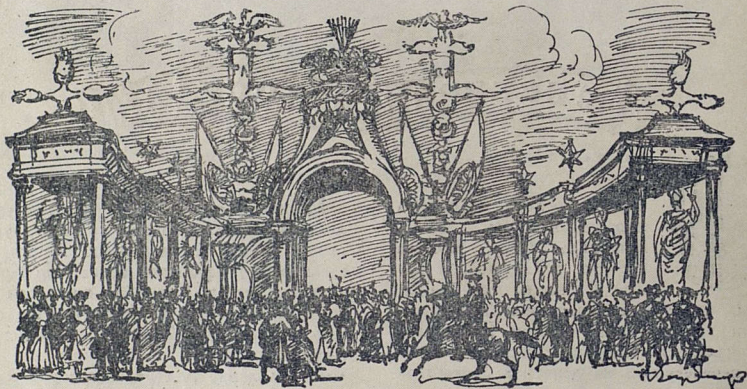
Пётр Алексеевич ночью пошёл смотреть деньги в тайнике. Вёл его Прозоровский с фонарём. В углу тайника был ещё целый угол денег в мешках. Пётр отложил десять мешков и сказал:

— А это, Прозоровский, тебе.

Прозоровский ответил:

— Мне лестнее не брать. Я бы и всё взять мог, но мне победа любопытней да память о деле.

Вот мы и сохранили память о человеке, а посуду и сейчас можно видеть в Московском Кремле, в Оружейной палате.

Лучше я не могу. Это мой потолок... — обижено говорит школьник учителю, получив тройку с минусом за неграмотно и небрежно написанный диктант.

— На большее я неспособна. Это мой потолок... — заявляет огорчённому отцу тринадцатилетняя ученица, принесла домой нестрайную тройками табель.

«Потолок»!.. Да, о «потолке» стоит поговорить!

...Испытательный аэродром. Где-то высоко в небе гудит самолёт. Виток за витком уходит вверх серебристая спираль. Мотор — сердце самолёта — то начинает биться учащённо, то успокаивается. Это лётчик форсирует высоту. Одна попытка, другая, третья... Сколько их! Но вот самолёт идёт вниз. Он расправляет шасси и, чуть вздрагивая, касается земли. Из кабины выходит утомлённый пилот. Тёмные круги под глазами говорят о напряжении, которое он только что испытал. Навстречу ему спешит конструктор самолёта. В кабинете они склоняются над длинной бумажной лентой с вычерченной ломаной линией. Это барограмма полёта. Сегодня барограф зарегистрировал какой-то «потолок» — высшую точку, до которой поднялся самолёт. Но это сегодня. А что надо сделать, чтобы завтра он поднялся выше? И вот уж вновь растут столбцы цифр на листках у расчётчиков, вновь орудуют рейсспинами и угольниками чертёжники, а в механических цехах и на сборке появляются новые штампы, новые приспособления. И опять поднимает машину высь лётчик-испытатель, и стрелка барографа отмечает новую высоту...

Выходит, что «потолок» — это не предел, а только веха на пути к новым достижениям.

«На большее я неспособен». Слышаешь такие слова, и невольно приходят на ум сотни случаев из жизни знаменитых учёных, изобретателей, писателей.

Когда Эдисон бился над созданием своей электрической лампочки, ему долго не удавалось найти такой материал, из которого можно было бы сделать нить накаливания. Пришлось перепробовать бесчисленное количество самых разнообразных материалов. С одним только bambуком Эдисон проделал около шести тысяч опытов. Понимаете, — шесть тысяч! Если бы Эдисон рассуждал, как те школьники, ответы которых приведены в начале нашей беседы, он после первых же опытов сказал бы: «На большее я неспособен». Но он и не сказал и не подумал так. Трудился месяца, годы, не раз вступал на неправильный, ложный путь, возвращался назад, чтобы снова идти вперёд, и добился своего.

Когда одного знаменитого скульптора спросили, какую из своих статуй он считает самой лучшей, он ответил: «Ту, которую я изваяю».

Человек никогда не должен останавливаться на достигнутом. Если бы писатель, или учёный, или конструктор сказал о себе: «На большее я неспособен», — он тем самым навсегда похоронил бы себя как человека творческого труда.

Среди лауреатов Сталинских премий есть Евгений Почецов, бригадир молодёжнич

бригады одного из наших заводов. Ему двадцать лет. То есть вы, наши читатели, отстали от него только на одну пятилетку. Когда Евгений пришёл в начале войны на завод, ему не было ещё шестнадцати. Увидав, что завод нуждается в определённом классе деталях, а специальных станков для такого производства не хватает, он решил приспособить свой станок для изготовления этих деталей. И первый, и пятый, и десятый опыты были неудачны. Много раз у Почепцова были основания сказать себе: «Я сделал всё, что мог. На большее я неспособен». Но он этого не сказал, потому что он честный человек, честный и перед собой и перед Родиной. Он продолжал думать, планировать, строить, проводить у станка бессонные ночи. Труд его увенчался успехом. Имя Почепцова, молодого человека, вчерашнего пионера, стоит в одном ряду с именами выдающихся учёных, прославленных писателей, художников, композиторов. Что роднит его с ними? Творческое горение. Сила воли, преодолевающая все трудности, ломающая все и всяческие препятствия.

Мария Ильинична Ульянова рассказывала, как молодой Владимир Ильич отзывался о тех, кто учится едва-едва, лишь бы вытиснуть.

«Должна же ты согласиться. — писал ей Владимир Ильич, — что те, кто идёт на тройки, во-первых, уроков не готовят, а, во-вторых, задов ничего не знают. (У нас, по крайней мере, так было)».

Теперь вернёмся к нашим школьным дням и делам. В сердце Донбасса лежит известный всем металлургам город Макеевка. Там в средней школе учится в одном классе Володя Горелов и Костя Игнатенко. У Володи Горелова в табели редко появляется четвёрка. Он учится на пятёрки. У Кости Игнатенко также четвёрка — редкий гость. С той только разницей, что остальные отметки у него — тройки.

Учителя уверяют, что способности у мальчиков примерно одинаковы. Условия для работы у Кости даже лучше. Его семья живёт в отдельной квартире, а Володя с родителями живёт в общежитии.

Мы заглянули в черновые тетради обоих учеников, и нам многое стало понятным. Володя проверяет решение каждой задачи; если задача не получается, решает её дважды, трижды. А Костя задачи или примеры проверяет редко. Если решить задачу ему не удалось, он бросает её и принимается за другую.

— Почему ты не довёл до конца эту задачу? — спрашиваем мы Костю.

— Не выходит.

— А сколько разных способов испробовал ты, пытаешься её решить?

Молчание. Потом Костя отвечает:

— На тройку вытасю — и ладно... У меня способностей нет.

— Откуда ты знаешь? Ведь способности можно проверить только трудом. Приложи все свои усилия — и тогда узнаешь, на что ты способен... У тебя отец где работает?

— В доменном.

— Ну вот. Ты знаешь, что ваши доменщики завоевали первое место в Союзе?

— Знаю.

— Теперь представь себе, что доменщики решили бы по-твоёму: хватит с нас и троёк. Но будем гоняться за пятёрками. Смогли бы они тогда завоевать первенство?

Кажется, Костя понял меня.

В нашей стране стыдно быть довольным, получив посредственную отметку, успокаиваться на малом, на том, что достигнуто без особых усилий. Не так страшно получить тройку. Это — дело поправимое. Страшно, когда говорят: «На большее я неспособен. Я сделал всё, что мог», — странно, когда человек сам себе подрезает крылья.

С. Гарбузов

В ГИМНАСТИЧЕСКОМ ЗАЛЕ

Я сошла не на той остановке — и вот иду вокруг стадиона его безлюдными, заснеженными, неузнаваемыми зимой фойе и переходами. Прямые ряды колонн, своды и лестницы серого камня, чугунные решетки выглядят в сумерках таинственно и зачарованно: не то палаты Снежной королевы, не то замок Маленькой разбойницы из сказки Андерсена.

Зимой стадион спит. Жизнь ушла внутрь, в недра стадиона, в многочисленные спортивные залы под трибунами. Гимнастический зал расположен под Круглой трибуной. Зайдёмте туда!

Мы пришли вовремя. Сейчас начнутся занятия. Шеренгой выстроились мальчики и девочки — кто в трусах, кто в свитере и длинных штанах. Паркет натёрт, в нём отражаются расставленные гимнастические снаряды. Чуть покачиваются кольца.

На три дня в неделю зал отдан детям. Вторник, четверг и субботу здесь хозяйничает «Юный динамовец».

Урок начался. Это прежде всего «разминка» — пробежка вокруг зала, под музыку, в хорошем темпе, чтоб разогреться, размять как следует мускулы, подготовить всё тело к предстоящей сложной гимнастической работе. Ребята ходят, бегают, на ходу выбрасывают руки вверх и в стороны, встают на носки, приседают, прижимают к животу колено правой ноги и скачут на левой — попробуй проделать то же самое! Делают вольные движения. Так проходит полчаса. Теперь можно начинать гимнастику на снарядах.

На брусьях работает Юлия Скуратова. Точно, легко, красиво выполняет она сложную задачу, заданную тренером Клавдией Воронцовой. У этой девочки по вольным движениям 10 — высший балл. По остальным видам гимнастики не ниже 9...

— Следующая. Спину, спину ровней! Голову назад! Твёрже посадка!.. — говорит Воронцова, поддерживая девочку рукой.

Она работает с детьми девять лет. Недавно она сняла погоны лейтенанта Действующей армии и опять вернулась в знакомый зал, к любимому делу...

— Уж больно вы строги к ним, — говорю я.

Клавдия Воронцова смеётся:

— На соревнованиях поостроже будет. Нам, гимнастам, ведь ничего не прощают. Колено ослабло, носочек вытанут не до конца или лодка дрожит в стойке «ласточкой» — и уж на

Это Юлия Скуратова

в Алла Смирнова —
лучшие гимнастки «Юного динамовца».

10 нечего рассчитывать!.. Вот почему отделяешь с девочками каждое движение, чтобы было красиво, легко и все движения получались без напряжения, без усилий. Они, конечно, такими только кажутся. На самом деле гимнастическое выступление — это труд и ещё раз труд!

Рядом на кольцах работают юные боксёры. Гимнастический зал привлекает молодёжь всех видов «вооружения». Споряды помогают приобрести ту общую физическую подготовку, которая необходима каждому спортсмену: они развивают брюшной пресс, грудь, руки...

Тренер старших девочек — золотоволосая украинка Тая Каменская. Тая пришла к спорту через пионерскую организацию. Был организован поход на гребных шлюпках Киев—Днепропетровск.

— Когда я потом, после похода, вступила в кружок гимнастики, — рассказывает Тая, — мне ничего не было страшно. Что ни покажут, сделаю с первого раза.

В группе девочек сегодня опорные прыжки. Стоит большой кожаный конь с двумя ручками. Одна за другой девочки прыгают «разножку» — прыжок с широко раскинутыми врозь ногами: «перемёт» — один из самых трудных прыжков, куда входит сальто...

Прошло ещё полчаса. Группы строятся и переходят по кругу направо — каждая к соседнему снаряду. Здесь всё строго рассчитано, всё делается по часам, по системе.

— Тая, — подходит Клава Воронцова, — безобразно какао! Ты знаешь, Нина занимается вторую смену подряд.

— А что если девочке мало два часа? — спрашиваю я.

— Не может быть мало ни мальчику, ни девочке, ни Геркулесу. Два часа — это норма. Конечно, если правильно поставлено дело. Перетренироваться — тоже не шуточка! Два часа через день достаточно. А другой станет пыхтеть шесть часов в сутки и только одного добьётся — испортит себе сердце.

Я недавно вспомнила мальчиков на соседнем дворе, которые гоняли мяч или консервную банку с рассвета до сумерек, красные, распаренные, в тяжёлых шубах. Вспомнила — и согласилась с её горячими словами.

— Вот что интересно, — говорит Клава Воронцова, — спорт совсем не мешает, не отвлекает ребят от учёбы. Лучшие у нас — лучшие и там, в школе. Видимо, успех в учёбе и спортивном соревновании требует одних и тех же качеств: воли, целеустремлённости, работоспособности. Вот Юлия Скуратова у нас идёт на пятёрки и четвёрки. И в школе у нее одни пятёрки и четвёрки. Или вот Алла Смирнова. Как твои дела, Аллочка?

Девочка с косичками мучительно краснеет:

— Была одна тройка по сочинению. Но я уже исправила её. Честное слово! Остальное — пять и четыре.

— А посмотрели бы вы её на кольцах!

Музыка. Конец урока. Опять проходят цепочкой мальчики и девочки — на этот раз в спокойном темпе. Надо остыть, успокоиться.

Конец занятий. Одни гимнасты уходят, чтобы дать место другим. День продолжается.

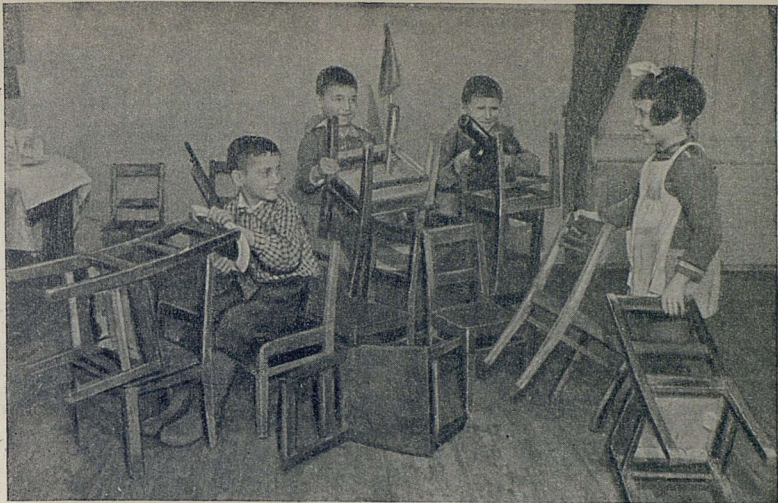
Алла делает на кольцах «лягушку».

и полушпагат на разновысоких брусьях.

По волевым движениям у Юли Скуратовой самая высокая оценка — 10.

ПОСЛЕ УРОКОВ

Весна 1942 года. Самый разгар войны. Заводы и фабрики страны переполнены фронтowymi заказами...

В одном из магазинов удивлённые москвичи вдруг увидели детские санки и партию новых игрушек.

Откуда они? Чьи руки в это трудное время так старательно отшлифовали сосновые кубики и маленькие грузовички, так тщательно отделили фланелевых мишек и зайчиков?

Чтобы получить ответ на этот вопрос, зайдём в дом № 3 по Скорняжному переулку.

Во дворе стоит грузовик. Он доверху заполнен маленькими стульчиками и столами. Шофёр завёл мотор, и грузовик повёз этот ценный груз туда, где его нетерпеливо ждут. Он повёз его заказчику — ребятам детского сада завода № 220.

Наконец стулья и столы прибыли и, не успев ещё попасть в столовую, моментально были пущены в ход. Посмотрите-ка на фотографию, — баррикада готова, «автоматчик» и «пулемётчик» зорко следят за «врагом».

Скорняжный, 3, — это 265-я школа Щербаковского района Москвы. Весной

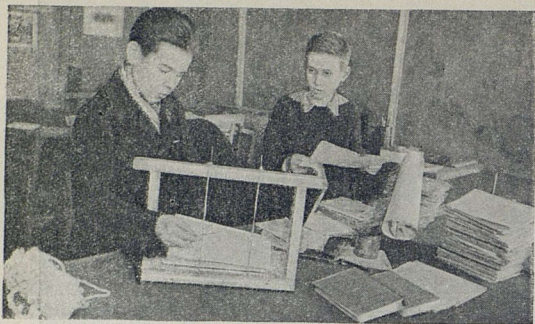
1942 года здесь были организованы технические, швейные и вязальные кружки, которые вскоре превратились в настоящие столярные, слесарные, ремонтные и швейные мастерские. Работа пошла полным ходом. Москвичи охотно покупали детское бельё и спецовки, фронтовики присылали заказы на погоны и петлицы, которые с усердием и большой любовью делали девочки.

Ни копейки не стоил огромный ремонт школьного здания. Ребята сами отремонтировали парты, сделали табуретки и стулья, оштукатурили и выкрасили стены, установили электропроводку.

Через несколько месяцев на имя школьных мастерских пришёл первый текущий счёт на сумму в триста рублей. Это были первые деньги, заработанные ребятами.

А через год мастерские стали получать специальные заказы от организаций общественного значения...

Уже не сотни, а десятки тысяч рублей получают они теперь. Большую пользу приносит стране ребята 265-й школы. И никакими тысячами нельзя оценить того, что они сами приобретают в этих мастерских. Но об этом вы узнаете из писем самих ребят.

Есть в нашей школе группа ребят, которые работают главным образом летом, в каникулы. Это переплётчики. Прошлой лето у нас было двадцать пять переплётчиков. Собирались мы в большой комнате и

под руководством Елены Ивановны Лопуховой пересматривали библиотеку нашей школы. За два месяца мы переплели пятьсот школьных книг, которыми уже нельзя было пользоваться. Из них боль-

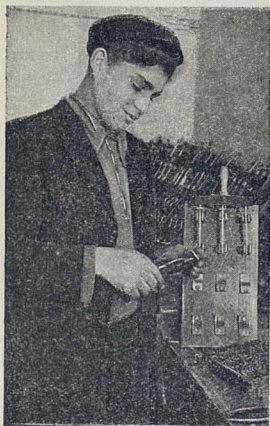
шинство — учебники. Многие из нас очень увлеклись этим занятием и стали дома переплетать свои книги. Да и нетрудно это, если захотеть. Верёвка, клей, иглолка, нитки, острый нож, картон, бумага, небольшие лоскуты материи для корешков — вот и всё, что нужно желающим научиться переплетать. Я и ещё кое-кто из ребят не только школьные, но и личные книги давно переплели.

Самое сложное приспособление в переплётном деле — это станок. Но, его можно заменить обычной табуреткой. Её надо перевернуть набок и гвоздями прикрепить верёвки так, как вы видите на фотографии.

На снимке: Боря Фролов (справа) подбирает книгу по страницам, а я шиваю её.

Алёша Новиков.

Буду электриком

Второй год я работаю в мастерской, а до этого всё свободное время убивал на футбол. И уж пусть бы это был настоящий футбол, а то — консервная банка! Пользы от этого никакой, а ботинки мама не успевала носить в починку.

Но в один зимний вечер у

меня вдруг пропала всякая охота к этому футболу. Уже несколько дней я не видел на улице своего постоянного друга Женю Иванова, а в этот вечер я встретил его и спросил, куда он запропастился.

— Разве ты не знаешь, что я работаю? — удивился Женья.

И он рассказал мне о школьных мастерских. Мне стало завидно, что он работает, а я нет. И тут пришёл конец футболу. Я вместе с Женей стал ходить в мастерскую и работать по несколько часов в день.

Даже грубо обработать болванку дверного ключа оказалось не просто. От молотка у меня быстро устали руки, а зубилом я посбивал пальцы, и от напряжения заболели плечи. Но болванку я всё-таки обработал. Мастер сказал, что у меня дело пойдёт, раз я преодолел первую трудность. Через год в слесарной мастерской я делаю любую работу. Ключи я уже считал лёгкой работой, были дела потруднее. Из ломаных железных кроватей мы делали детские санки, из проволоки — сетки для электрических лампочек, научились делать затейливые замки. От-

крывать их надо не обычным способом, а при помощи шифра из цифр.

В нашей же мастерской пригодились и консервные банки, которые когда-то я гоноу по улице. Из них мы в войну делали «светлячки» — маленькие лампочки. На них тогда был большой спрос.

Сейчас я работаю в электромеханической мастерской. Мы выполняем большой заказ одного московского завода: делаем распределительные щитки. Но это у нас уже не первая сложная работа. Перед началом учебного года мы отремонтировали свою школу: ребята из слесарной мастерской починили крышу, из столярной — починили и сделали новые столы, парты и скамейки, а мы, электрики, почти заново восстановили электропроводку. Я рад, что в нашей школе есть такие мастерские. Благодаря им я понял, что меня очень интересует электротехника, и твёрдо решил по окончании седьмого класса идти в электромеханический техникум.

На этой фотографии мой товарищ Толя Борисов заканчивает работу над щитком.

Анатолий Евсеев

В столярной мастерской

Первой работой, которую мы делали в столярном кружке, были раскладные походные кровати. Мы тогда только ещё учились обращаться с пилой и рубанком, поэтому нам с трудом давалась и распилака дерева и окончательная его обработка.

Но вот, когда мы научились разбираться в породах дерева, обращаться с инструментами и работать на верстаке и токарном станке, дело пошло совсем по-другому. К нам со всех сторон посыпались заказы. Мы стали делать кубики, игрушечные автомобили, маленькие столы и стулья для детских садов, лотки для хлебных мага-

зинов, чинить парты, столы и скамьи для школы. Всё это делалось из дерева мягкой породы: сосны, ели, осины и липы. Из дуба — это дерево твёрдой породы — мы делали только верстаки, на которых теперь работаем, да диваны для своей школы. А когда совсем хорошо освоили столярное ремесло, нам стали поручать ответственные заказы.

Сейчас мы выполняем заказ завода имени Сталина — делаем детали сложных моделей. На этой фотографии показано, как Коля Косточкин работает над одной из таких моделей.

*Володя Царякин,
Ваня Рогожин.*

В цехе фурнитурных изделий

Так называется ещё одна мастерская нашей школы. В ней мы шьём мягкие игрушки, погоны, петлицы, подворотнички, спецовки и телогрейки. Эта мастерская открылась в начале сорок второго года, когда ещё девочки и мальчики учились вместе. С тех пор прошло три года. Мы уже давно учимся в другой школе, но работаем в мастерской не бросаем.

Во время войны к нам поступали заказы от воинских частей с фронта. Сейчас эти заказы идут от военных учреждений. Много тысяч бойцов и офицеров носят погоны и петлицы, сделанные нами.

Мы подсчитали, что сделано нами только за последний, сорок пятый год. Перевели всю продукцию на деньги. Получилось 152 тысячи рублей. Не маленькая сумма, правда?

В нашей мастерской всегда много народу. Мы сразу делаем всё — от закройки до упаковки. Кроит петлицы и наклеивает их на картон Володя Трофимов — единственный мальчик в нашей мастерской. От него петлицы идут на машинки — Марусе Ермолаевой, Вале Соловьёвой и Вале Сечинной. Они пристрачивают к петлицам кант и передают их наклеивацам — Шуре Нефё-

довой и Нине Коровниной. Здесь петлицы окончательно отделываются и суются на большом фанерном листе. После этого браковщица Нина Доеничева проверяет нашу работу, а Люба Гольшева и Рая Акимова подбирают петлицы

парно, связывают их в пачки по сто штук в каждой и сдают на склад.

На фотографии изображён весь процесс работы нашей мастерской, кроме закройки.

Гая Новосильцева.

Весенние дела

КОЛЛЕКЦИЯ ЗВЕРИНЫХ СЛЕДОВ

Н икогда тяга к путешествиям не бывает так сильна, как весной.

Пусть и ваше звено уже начнёт короткие путешествия. Их можно проводить по воскресным дням. Пожалуй, спросите вы, где же это мы будем путешествовать? В своём лесу? По берегу реки? Да что там можно увидеть интересного!

Очень много. Ученики 83-й и 84-й школ города Куйбышева, путешествуя по берегам Волги, по своему родному краю, нашли редкое растение — шиверекию подольскую. До этого считалось, что её можно встретить только в трёх местах на земном шаре: в Подолнии, на Урале и в Жигулях. Юные охотники за растениями не только сами узнали много любопытного, они сделали чудесный подарок своей школе. Имя собран гербарий.

При свердловском Дворце пионеров есть детское географическое общество «Глобус». Каж-

дое лето оно совершает путешествия по родному краю. Ребята нашли кости доисторического носорога. В одно лето у них работал свой пионерский походный завод. Мальчики и девочки лепили игрушки из глины, залежи которой были найдены теми же школьниками — юными разведчиками подземных богатств.

В каждом районе можно сделать интересные находки, познакомиться с историей родных мест, с памятниками старины. А разве не любопытно разведать, какие птицы и звери живут в вашем лесу, научиться хитрому искусству следопытства?

Выберите себе район, в котором будете путешествовать. Разработайте маршрут. Свяжитесь с местным лесным питомником, с аптекой. Они с удовольствием примут от вас вашу лесную добычу: питомник — семена деревьев и кустарников, аптека — целебные травы, — расскажут вам, когда и как надо их собирать.

Заранее подготовьте всё, что вам будет нужно: газетные листы, плотную бумагу и папки для сбора гербария, сачки для ловли бабочек, мориалки и т. д.

Пусть ваши весенние походы будут разведкой для будущих больших, увлекательных летних путешествий.

Конечно, можно зарисовать в следопытский альбом замеченные вами следы. Но ещё любопытнее собрать коллекцию следов-подлинников. Лучшее время для сбора такой коллекции — весна или середина осени. Чётче всего отпечатываются следы на глинистой почве.

Самый удачный такой отпечаток встретится на чистом месте, где нет корней, камней, сору. Надрезьте ножом поверхность земли так, чтобы отпечаток пришёлся в центре надрезанного вами квадратика. Чем крупнее квадратик, тем глубже надрезы. Выкопайте канавку возле одной из сторон квадратика и, подсунив под него нож, подрежьте снизу. Так вы вынете из земли кирпичик.

Положите его на щепку и просушите на солнышке, а затем, чтоб он был прочнее, обожгите на огне костра. Затвердевший

кирпичик нетрудно выровнять, соскоблив снизу лишнюю часть глины.

Таким способом можно приготовить коллекцию следов зверей от маленькой землеройки до барсука и лисицы включительно.

Кирпичики со следами мелких животных вы можете хранить в обыкновенных спичечных коробках. Приклейте к коробке ярлычок, а на нём напишите, какого зверя этот след, где и когда он взят.

Эти глиняные кирпичики будут вашей следопытской азбукой: они расскажут вам, какие лесные жители водятся в ваших краях.

АЛЛЕЯ ПОБЕДЫ

Посадите весной перед своей школой вишенки, груши, яблони. А может, у вас были яблоньки, да погибли за эти годы, тогда посмотрите, нет ли вокруг пенька молодой поросли. Если есть, значит в деревце теплится жизнь. Из этих побегов вырастут дички, но можно сделать прививку.

Лучше всего прививать ранней весной. Прививать дачки надо у основания побега.

Если же молодое деревцо погибло и поросли не дало, нужно прививать в корневую шейку (место перехода корня в ствол) или в здоровую часть основания ствола у самой земли. Срежьте мёртвый ствол сначала на пеньё, а затем ещё раз у самой корневой

шейки и зачистите сверху срез ножом.

Возьмите черенки от культурной яблони с двумя—тремя хорошо развитыми глазками и вставьте косым срезом под одну сторону сделанного продольного разреза коры. Смажьте место прививки садовой замазкой или воском, а большие срезы — глиной, смешанной с коровяком и мелко нарезанной соломой. Вокруг корневой шейки наложите повязку из крепкого мочала или шпагата.

Летом внимательно ухаживайте за прививками, как подрастут, — подвяжите к колям, откройте лунки вокруг деревьев навозом или старой листвой.

Леса сыздавна были красой нашей страны, нашим богатством. Строительные материалы, смола, топливо, шёлк, бумага, лекарство — не перечислишь всего, что дают человеку лесные деревья. Леса охраняют плодородие рек.

Леса защищают поля от засухи.

За годы войны много у нас погибло и поредело лесов.

Путешествуя по лесу,

развейте, какие красивые деревья и кустарники там растут. А в «День леса», выкопав их, посадите на своём пришкольном участке. Озелените свой двор.

В прошлом году многие пионеры посадили перед своими школами «Аллею победы». Пусть и перед вашей школой зазеленеет «Аллея победы» — в память великого и славного времени, в которое вы живёте.

30 КУСТОВ ОТ ОДНОГО КУСТА

Весна не только радует юных путешественников-краеведов. В эту пору всюду кипит зелёное строительство. Очень много интересного и полезного можно сделать у себя на пришкольном участке, на дворе перед домом.

Если у вас есть старые кусты красной смородины или крыжовника, от них можно развести целую ягодную плантацию. Ранней весной удобрите перегноем (6—8 вёдер) землю вокруг куста, перекопайте её, разровняйте. Идущие от основания куста здоровые однолетние побеги пригните к земле в бороздки до 5 сантиметров глубиной и пришпильте

деревянными рогулками. На нижней стороне пригибаемого побега под почками сделайте ножом поперечный надрез до древесины: тогда скорей образуются корни.

Из почек, как зелёные свечи, подымутся вверх побеги. За лето их надо 2—3 раза окучить. А осенью отрежьте от ветки окоренившиеся отводки и рассадите их на постоянные места. В среднем при таком способе (он называется китайским) можно получить от одного куста 15—30 новых растений. А вот колхозники Горьковской области ухитрились получить от большого куста крыжовника до 160 новых растений.

СПАСАТЕЛЬНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Кончится паводок, река вернётся в свои берега, отправляйтесь на заливные луга на разведку. В ямах, ложбинах, впадинах ярко поблёскивают на солнце большие лужи. Вот в воде мелькнул силуэт маленькой рыбки. Ещё и ещё. Целая стайка. Это рыба молодёжь — мальки.

В половодье многие рыбы выходят метать икру на заливные луга. В мелкой прогретой солнцем воде из икрянок быстро вылупливаются мальки. Но с концом паводка кончается для мальков их привольная жизнь. Путь к возвращению в реку отрезан. Скопю лужи высохнут под лучами солнца, и рыбёшек ждёт неизбежная гибель.

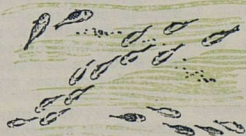
Очень часто от лужи до реки только рукой подать. Но как бы ни была

коротка дорога, рыба не доползти до воды посуху. А вам спасти гибнущую рыбью молодёжь ничего не стоит.

Захватите: кто ведро, кто мешок, кто корзину. Наловили мальков, выпустите в реку — и снова к луже спасать следующую партию.

Ваша помощь понадобится малькам не только весной. В засушливое лето, когда уровень воды в реке падает, мелководные затоны и большие заструги, где обычно скапливается много мальков, отделяются от реки песчаными перемычками. Прорыть в песке канавки — минутное дело, а по этому «каналу» рыбёшки могут вернуться в реку.

Пройдёт время, и из спасённых вами мальков вырастет крупная ценная рыба.

О Т О В С Ю Д У И О Б О В С Е М

СКАЛА-ПАМЯТНИК

В одном из американских штатов, в Южной Дакоте, есть обширный парк-заповедник. Это целый лесной массив с горами и ущельями, с ручьями и водопадами.

Посреди парка возвышается одинокая гранитная скала. Один американский скульптор предложил превратить её в памятник, посвящённый четырём знаменитым президентам: Георгу Вашингтону, Джефферсону, Линкольна и Рузвельту.

Сейчас этот памятник-гигант уже готов. Это самый большой памятник в мире. С помощью динамита, пневматических свёрл и отбойных молотков из гранитной скалы сделали четыре колоссальных бюста.

О том, насколько была трудна эта «скульптурная» работа, говорят цифры. Высота памятника — двести пятьдесят метров. Ширина плеч у каждой фигуры — больше тридцати метров, длина носа — девять метров.

СТЕКЛЯННЫЕ ТКАНИ

Вот лежит перед вами серебристая, шелковистая ткань из тончайших белых нитей. Каждая из этих нитей тоньше человеческого волоса. Если рассмотреть её под микроскопом, окажется, что здесь не одна, а сто нитей, склеенных особым веществом. Это сто нитей так тонки, что их уже не увидит ни один, самый зоркий человек: пять—шесть микронов — толщина каждой из них. Очень трудно и сложно вытянуть такие тонкие нити, но без этого не обойтись, если хочешь сделать ткань из стекла.

Попробуйте завязать узлом кочергу — ничего не выйдет, а стальной канат вдвое толще кочерги ничего не стоит скрутить, свить, запутать так, что и не распутаешь. И ни одна из тонких стальных прядей не сломается при этом.

Вот так же и стекло. Стекло твёрже стали и более хрупко. Даже очень тонкую стеклянную полоску не согнешь дугой. Но чем тоньше полоска, тем больший изгиб она выдерживает. И вот когда толщина стеклянного волокна дойдёт до пяти—шести микронов, — тогда гни, крути, завязывай её, как хочешь, — она не сломается.

Не сразу научились делать такие стеклянные нитки. В 1941 году после множества опытов и испытаний недалеко от Москвы, на заводе «Гусь Хрустальный», был пущен первый цех стеклянных тканей. Сейчас там работает целый завод.

Стеклянные ткани не горят, не боятся кислот, почти не проводят звук, плохо проводят тепло. Из них получаются прекрасные изоляционные материалы, декоративные ткани, отличные экраны для кино. С каждым днём всё шире и шире становится круг применения стеклянных тканей, сделанных в конечном счёте из обыкновенного кварцевого песка.

«МЕРТВОЕ МОРЕ» В ЧКАЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Это необыкновенное озеро находится в степи у небольшого городка Соль-Илецка, Чкаловской области.

Попробуйте в нём выкупаться. Оказывается, в этом озере невозможно нырять: вода немедленно вытолкнет вас наверх.

Происходит это потому, что вода озера сильно насыщена солью.

Озеро образовалось совсем недавно. Там, где сейчас плещется его волны, около сорока лет назад были залежи каменной соли. В результате разрабаток образовалась огромная яма, «развал», длиной около 250 метров и шириной в 200 метров.

Весной 1906 года сильно разлилась протекающая недалеко речка Песчанка. Воды её проникли в «развал» и наполнили его до краёв. Так образовалось озеро, берега которого состоят из чистойшей каменной соли.

РЕКИ, ТЕКУЩИЕ ТО ВПЕРЕД, ТО НАЗАД

Как известно, реки текут всегда в одном и том же направлении. Поэтому и говорят: «Вверх по течению» или «Вниз по течению».

Но этого нельзя сказать о реке Шуе, впадающей в Онежское озеро вблизи Петрозаводска. Река эта проходит через Ушкозеро, на дне которого много ключей. Когда деятельность ключей ослабевает, уровень Ушкозера понижается и воды Шуи устремляются в озеро; когда деятельность ключей усиливается, уровень озера поднимается — река течёт вспять.

То же происходит и с речками, вытекающими из Шимозера, лежащего между Онежским и Белым озёрами, в Вологодской области: эти реки текут то в озеро, то из озера.

РАЗРУШЕНИЕ ПИРАМИДЫ ХЕОПСА

В египетской пустыне возвышается пирамида, построенная фараоном Хеопсом 4500 лет тому назад. Это самая большая пирамида: объём её — 2,7 миллиона кубических метров, высота — 170 метров. 100 тысяч рабов строили этот гигантский памятник в течение 20 лет.

24 столетия назад греческий учёный Геродот решил измерить гигантскую усыпальницу Хеопса. Каково же было его изумление, когда оказалось, что высота пирамиды — всего 147 метров! Геродот решил, что древние египтяне ошиблись.

На самом же деле в измерениях египтян не было ошибки. Пирамида стала меньше под влиянием разрушающих сил природы: ветра, солнца и воды. Несколько лет назад английские учёные снова измерили высоту пирамиды. Очень точные инструменты показали 139 метров. Пирамида Хеопса стала ещё ниже на 8 метров. Так природа постепенно превращает в песок и щебень огромную египетскую пирамиду.

КОРАБЛЬ-БОЧКА

Вероятно, никогда ещё не плавал по морям столь удивительный корабль, как знаменитая «Клеопатра»! Корабль был построен для перевозки из Египта в Англию трёхсоттонного каменного обелиска, носившего название «Игла Клеопатры».

Инженеры долго думали, как построить корабль, который мог бы поднять и перевезти за тысячи миль этот огромный древний памятник. В конце концов решили построить длинную закрытую бочку.

В 1877 году «Клеопатру» отбуксировали из Англии в Египет. Там её выкатили на берег, разобрали и погрузили в неё обелиск. Затем корпус корабля был вновь собран, заклёпан и спущен на воду. Наверху установили каюту для рулевого и мачту.

Неделица устройства подводной части корпуса «Клеопатры» моряки почувствовали только в открытом море. Буксир «Ольга» выбивался из сил, таща на канате этот неудобный корабль.

В Бискайском заливе случилось несчастье: буксирный канат лопнул. Экипаж «Клеопатры» покинул её и с большими трудностями добрался до «Ольги». Корабль-бочка носился по волнам без экипажа. Когда шторм утих, отправились искать «Клеопатру». Нашли её у берегов Испании и доставили в Лондон.

СИЯЮЩАЯ МОЗАИКА

Все вы видели сияющую всеми цветами радуги тонкую плёнку нефти или машинного масла на воде. А если вы соберёте нефть, в бутылке снова будет чёрная жидкость. В чём же секрет? В том, как действует тонкая масляная плёнка на лучи света.

«Белый» солнечный свет представляет собой смесь разноцветных лучей. Падая на тонкую плёнку, красные, зелёные, фиолетовые, жёлтые лучи ведут себя по-разному: одни усиливаются, другие ослабевают — и создают красивый рисунок.

Можно приготовить такие плёнки, которые могут создавать свет различной окраски и могут совсем погасить его, оставаясь в то же время совсем прозрачными.

Заслуженный деятель науки профессор Аршинов работает над созданием сияющей мозаики и сияющих гравюр для украшения новых домов и улиц. Вот, например, из листочков сляды, целлофана и тонкой бумаги различной толщины на прозрачном стекле сложен силуэт дерева. Стоит только эту мозаику прикрыть ещё одной прозрачной плёнкой, и бесцветная мозаика сразу оживёт, ярко расцветится.

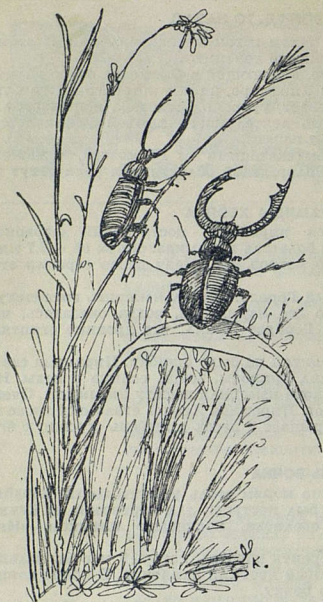
Свойство плёнок превращать листочки сляды, талька, целлофана в искрящиеся самоцветы можно использовать в театре, живописи, архитектуре. Какие «волшебные» могут быть декорации! Какие красивые дома будут строить наши архитекторы!

Жучки и баран

Елена Ильина

Рис. А. Каневского

Говорит жучку жучок:
— Погляди-ка, землячок.
Видишь — вытопан бурьян?
Тут поблизости... баран!
Я боюсь, что он с травой
Может съесть меня с тобой.

И, лустившись наутёк,
Сели оба под листок.

А когда настала ночь
И баран убрался прочь,
Прошептал жучок: — Поверь,
Это самый хищный зверь!
То ли дело — тигры, львы,
Не едят они травы.
Безобидней и добрей
Я не видывал зверей.

ИЗОБРЕТЕНИЯ из ПРОШЛОГО

Владимир Орлов

Рис. Ф. Лемкуля

ВОЗВРАЩЕНИЕ РАКЕТЫ

Дания в эпоху наполеоновских войн на словах заявляла о своём нейтралитете, а на деле готовилась перейти на сторону Наполеона.

Чтобы помешать этому, сильная английская эскадра летом 1807 года переплыла Зунд и появилась перед Копенгагеном.

Корабли развернулись в боевой строй, как перед началом канонады. Но молчали пушки судов. Медленно, в полном молчании эскадра плыла к берегам.

Вдруг словно стая огненных птиц бесшумно сплелась с кораблей и понеслась к городу. Послышался тихий, но всё нарастающий визг. Он крепчал, достиг пронзительной силы. И тогда высоко в воздухе замелькали тёмные стремительные тела. Языки визжащего пламени простирались за ними огненными хвостами. Длинные дымные следы оставались позади и, как арки, стояли в небе.

Раздались дробные тупые удары. Это птицы падали вниз, грудью прошибали кровли. Загудел набат. Зарево занялось над городом. Странные снаряды, пущенные с кораблей, поджигали дома. Горожане тащили нососы, подвозили бочки с водой.

А снаряды летели и летели. И казалось, конца не будет этой огненной стае.

Один из снарядов с огненным хвостом шёл в колонну солдат. Люди шарахнулись в стороны, ряды смешались. Пламя упрямо хлестало из снаряда, и он бешено скакал по мостовой, рыская из стороны в сторону, словно выискивая себе жертву.

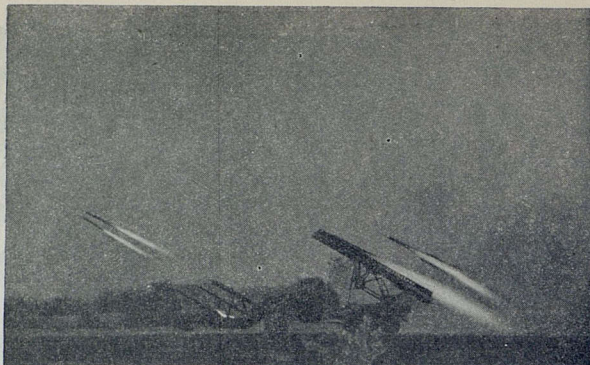
Город пылал. Снаряды отплясывали на улицах неистовый огненный галоп. Купол из дымных арок навис над городом.

Пять дней продолжался жестокий обстрел, вошедший в историю войн как «сожжение Копенгагена ракетами». Англичане выпустили на город сорок тысяч ракетных снарядов.

Что такое ракета? Это — одновременно и оружие и снаряд.

Пушка, стреляя, откатывается назад. Откатится и остановится. Её толкает сила отдачи. Но если бы выстрел следовал за выстрелом, как в пулемёте, то толчок за толчком подгонял бы орудие и оно бы двинулось в путь, безостановочно плясая назад, как рак.

Ракета похожа на пушечный ствол, но тяжкие вздохи выстрелов сливаются в ней в одно могучее дыхание. Воя, хлещет из ствола пламенная струя порохового газа, и он летит, тонимый си-

Зал «катюш».

лой отдачи, жерлом назад, распуская огненный хвост. Это не безвредный ствол: в нём заключён разрывной заряд.

Ракета — очень старое оружие. Её применяли в глубокой древности индусы и китайцы. Уже при Петре I в России было специальное ракетное заведение и приняты на вооружение стандартные образцы ракет. С середины прошлого века ракеты стали забывать. И затем они бесследно исчезли. Гремели пушки первой мировой войны, о ракетах — ни слуху, ни духу.

Началась вторая мировая война, и снова по-

явилось на свет и засияло в грозном ореоле слово «ракета».

Немцы испытали на себе сокрушающую силу наших ракетных снарядов — «катюш». Самолёты англичан с ракетными установками изгоняли немцев из Франции.

«Новое ракетное оружие», — пишут во всех газетах.

Старое, забытое изобретение явилось к нам из глубины веков, как забытая там «машина времени» по роману писателя Уэллса.

ТЕНЬ ЗАРЖАВЛЕННЫХ ПРЕДКОВ

Н е одна ракета возвращается к нам из прошлого.

Лет семьдесят назад, казалось, окончательно распространились с гладкоствольными орудиями, заряжаемыми с дула. Повсюду воцарилась нарезная артиллерия, заряжаемая с казны.

Стали с улыбкой вспоминать старинные, неуклюжие пушки, в которых и заряд и ядро забивались в дула, а затем поджигался фитиль. То ли дело нарезные пушки! Всё на их стороне: и скорострельность, и дальность, и пробивная способность, и точность боя.

И если поднимался разговор о пушках будущей войны, то уж, конечно, только о нарезных, с какими-нибудь диковинными стволами. Или о совсем фантастических — центробежных или электромагнитных.

Наступила война будущего — война наших

дней. И что же? Никакой фантастической электрической артиллерии на фронте нет. Зато снова возродились гладкоствольные, заряжаемые с дула орудия, словно тени покрытых ржавчиной предков. И очень ими довольны: превосходить к месту пришлось.

Говорят, что дальность мала? А она и не всюду требуется: часть орудий всё равно выставят на передний край и громят им передний край врага. Говорят, что пробивная способность низка? А к чему она нужна, пробивная способность, если бьют по пехоте осколочными снарядами? Говорят, снаряды ложатся неточно? Ну и пусть ложатся. В современном бою нередко стреляют без прицепа, кроют по площадям. И такая тут случается плотность огня, такой огневой шквал бушует над врагом, что не имеет смысла целиться: ты промахнёшься — угодит осед.

Война теперь другая, и во многих случаях в самый раз придётся в современном бою гладко-

ствольные орудия. Их теперь каждый знает: это миномёты.

Скорострельность миномёта известна. Иной миномётчик одним миномётом по две мины одновременно держит в воздухе.

Нет орудия легче миномёта. Миномёт — это пушка на спине.

Нет орудия проще миномёта. Что такое миномёт? Одна труба.

Только что-то не очень походит миномёт на своего гладкоствольного предка.

Старые пушки стреляли круглыми ядрами, а миномёт — продолговатой миной, похожей на каплю с плавничками, вроде рыбьего хвоста. Ни дать ни взять небольшая авиабомба. Значит, миномёт — потомок не только старинной ядерной пушки, но и авиабомбы.

У старинной пушки был неуклюжий деревянный лафет, а у миномёта — костыли из лёгких

стальных труб. Есть в них что-то от велосипедной рамы. Значит, миномёт — отчасти потомок и велосипеда.

Миномёт стреляет так. Мину погружают в дуло, и она скользит вглубь и накаляется капсюлем на жало, торчащее в дне ствола. Происходит выстрел. Капсюль и жало! Никаких фитилей. Значит, миномёт сродни не только старинным пушкам, но и современному оружию центрального боя.

Сложна родословная миномёта. Если внимательно разобрать миномёт по деталям, то в многих этих деталях мы сможем узнать черты многих современных машин. Значит, не просто вернулась к нам из глубины веков старинная гладкоствольная пушка: она вернулась к нам обновлённая и преобразённая последними достижениями техники — лёгкий, скорострельный, меткий миномёт.

Гость из XVII века

Представьте себе, что как-то чудом прямо из XVII столетия перенёсся в наши времена видный тогдашний инженер. Настоящий инженер XVII века: в парике с косишкой, бёлых чулках с бантами и туфлях на высоких каблучках.

Повели его осматривать наши заводы. Всё его поражает: и размеры цехов и сложность машин. Страшно поражен всем инженер, но не показывает виду. Не жалеет ударить лицом в грязь перед потомками. Пусть, мол, не думают, что в XVII веке жили какие-нибудь простаки. Проходит инженер по цехам, небрежно играя тростью, словно всё ему знакомо, словно всё это он и раньше предвидел.

— Покажите мне, — говорит, — водяное колесо, которое движет эти машины.

Задёт он этот вопрос не с проста. В его век учили, что мир неизменен. Времена проходят, а суть вещей не меняется. Были в то время два двигателя: ветряк и водяное колесо. И развитие техники представляли себе так: пройдут века — будет больше водяных колёс, будут больше водяные колёса. Вот и думает инженер: где-нибудь да должно тут быть водяное колесо.

Идут на гидроэлектрическую станцию. Показывают турбины.

Умилась инженер, увидав знакомую технику. На прощание отвечает галантный поклон и говорит с улыбкой:

— Что ж, господа, так я и знал. Никуда вы

не ушли от водяных колёс. Выросли размеры, усложнились детали, а существа дела осталось. Ничто не меняется в этом мире!

И уезжает обратно в свой XVII век!

А в мире многое изменилось.

Вот вам картинка водяной фабрики XVII века: водяное колесо приводит в движение машины при помощи деревянных валов и зубчаток с зубцами, похожими на пальцы садовых граблей.

Так описывал тогдашнее производство старинный писатель:

«Сначала река наталкивается на мельницу... потом её зовут к себе сукновальни, находящиеся по соседству с мельницей... Опуская и поднимая тяжёлые песты, или, лучше сказать, молоты, река освобождает сукновалов от утомительной работы... Быстрое течение приводит в движение много водяных колёс... Покрытая пеной река медленно движется далее... Мало-помалу распадаясь на много рукавов, река суетливо кружится, заглядывает в отдельные мастерские, тщательно отыскивая, где имеется надобность в её службе: при варке, просеивании, вращении, растирании, орошении и мытье».

Благодарный писатель расчувствовался и преувеличил услужливость реки.

Река не искала мастерских. Наоборот, мастерским приходилось искать реку. Это были маленькие мастерские. Много ли потянет водяное колесо!

Река не хотела работать на двух плотинах, установленных рядом одна за другой. Мастерским приходилось разбредаться вдоль реки, подальше друг от друга. Мастерские ютились у рек по де-

ревням. В те времена не могли возникнуть большие промышленные города. Люди были прикованы к своим деревьям голубыми цепями рек.

Так продолжалось до тех пор, пока не изобрели паровую машину.

Пар взорвал голубые оковы. Мастерские и фабрики вырвались из власти рек и свободно расселились по земле. Паровая машина могла работать где угодно — только подвози топливо. Подвозили же топливо сами паровые машины — паровозы и пароходы.

Мастерские вырастали в огромные заводы и толпой теснились поближе к сырью и топливу. Появились большие промышленные города. Заводам было удобно вместе. Машиностроительные заводы были рядом с металлургическими предприятиями. Текстильные фабрики стояли бок о бок с химическими заводами и заводами текстильных машин.

Всё это сделала паровая машина — мать промышленных городов.

Наступила пора безраздельной власти пара. Люди ушли от водяных колёс и, казалось, навсегда. Но чем больше появлялось паровых машин, тем сильнее начинала грызть людей забота о топливе. Вся жизнь теперь держалась на топливе, а леса вокруг городов редели и исчезали, и нефть и каменный уголь тяжёлым трудом приходилось добывать из-под земли. Пришлось снова вспомнить о даровой энергии рек.

Снова зашевелились сторонники водяных колёс.

— Мы теперь умеем строить огромные водяные колёса колоссальной силы, — теребили они фабрикантов. — Поезжайте на остров Мэн, полюбуйте нашей работой. Там вращается водяное колесо высотой с восьмизатяжный дом.

— И смотреть не хотим, — отмахивались фабриканты. — Что нам толку от вашей силы, если её нельзя передать в города, на заводы!

Инженеры умолкали. Они умели передавать силу станкам. Длинные жужжащие валы пересекали просторные цехи. От станков тянулся к валам шестельющий лес ремней. Но страну пересечь рядами валов и ремней, протянуть их за сотни километров от рек к городам и заводам — это немислимо, этого инженеры не умели.

Так продолжалось до тех пор, пока не появилась электротехника. Она сделала явью то, что казалось чудесным. Силу стало возможным передавать на огромные расстояния без валов и ремней — по тонким проводам, протянутым от генераторов к электромоторам. Отныне ничто не мешало применению силы воды. Водяные двигатели торжественно возвращались на почётное место. Теперь это были водяные турбины. Они состояли в таком же, пусть сложном, но всё же родстве с водяными колёсами, как мяч с ядреными пушками. Турбины срослись с генераторами в одно. Роторы тех и других пронизывала общая ось, и они вращались вместе, как на общем вертеле.

Теперь сторонники водяных двигателей сказали тепловикам:

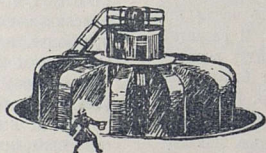
— Придётся вам потесниться... Довольно коптить небо!

И тепловики потеснились. Появлялись гидроэлектрические станции. Громадные плотины вназудывали реки. Вода редела, турбины вращались, длинноногие мачты уносили в далёкий город тихо гудящие провода.

Так отступило в тень и всеильной властью электричества снова вернулось на свет великое изобретение.

Этого не понял инженер XVII века.

Всё разглядел, всё заметил гость из-за трёхсот лет: и плотину, и шлюзы, и улитки турбин. Не заметил лишь бездеицы: тонких проводов на стальных голенастых мачтах.

Занимательная ЛАБОРАТОРИЯ

Попробуйте

Если у вас есть патефон с электрическим мотором, попробуйте проиграть на нём пластинку сзади наперёд, закрутив её в обратную сторону: в электропатефонах пластинка может с одинаковой свободой вращаться в ту и другую сторону.

Не правда ли: странная слышится музыка?

Не забудьте только надлежащим образом изменить наклон иголки, когда будете ставить её близ центра пластинки перед началом игры.

Магнитные суда

Вы, наверно, знаете, что иголка, смазанная жиром, отлично плавает на поверхности воды и не тонет. Её держит упругая плёнка, покрывающая поверхность воды.

Могут плавать и более тяжёлые предметы, например лезвие от безопасной бритвы. Оно держится на воде, как необычайный стальной плот, и не потонет, даже если вы наклеите на него силуэт какого-нибудь военного корабля, вырезанный из картона.

Так можно построить целую эскадру военных кораблей, и не простую, а управляемую на расстоянии. Для этого надо намагнитить бритвенные лезвия и водить над ними магнитом. Магнитные суда будут послушно бежать за магнитом, проделывать сложные повороты и другие морские эволюции.

Послушная струя

Выдали ли вы, чтобы струя воды, текущая из водопроводного крана, вдруг выгнулась в воздухе коленом и текла по затейливой кривой? Если не выдали, посмотрите. Расчешите гребёнкой волосы, а затем поднесите гребёнку к тонкой водяной струе. Струя потянется к гребёнке, круто изогнётся и будет течь, словно обтекая невидимую ступеньку. Струю потянул к себе электрический заряд, образовавшийся в гребёнке после того, как мы потёрли её о волосы.

Обман чувств

Заложите один на другой средний и указательный пальцы, как закладывают ногу на ногу. Зажмурьте глаза и почешите нос. Через несколько секунд вы отчётливо почувствуете, что у вас два носа.

Не правда ли: неотразимый обман чувств?

Объясняется он тем, что при скрещенных пальцах к носу прикасаются те участки кожи, которые в нормальном положении пальцев могут прикоснуться одновременно только к двум различным предметам.

Необыкновенный поплавок

Налейте в банку керосина и воды и дайте ей постоять. Через некоторое время керосин и вода разделится. На дне окажется вода, а над ней — керосин. Теперь возьмите пробку, воткните в неё гвоздь и пустите этот поплавок плавать в банку. Осторожно подрезайте пробку ножом так, чтобы гвоздь в конце концов потонул её ко дну. Если вы будете подрезать пробку понемногу, может оказаться, что гвоздь утопит пробку в керосине, но не в силах будет утопить её в более тяжёлой воде. Необыкновенный поплавок будет плавать на границе воды и керосина.

БЫСТРЫЙ СЧЕТ

А. Волков

Во второй половине XIX века в Пьемонте жил Жак Иноди. С детства он был пастухом и грамоте научился, будучи уже взрослым. Но прославился Иноди тем, что очень быстро делал вычисления в уме. Удивительные способности Иноди заинтересовали одного антрепренёра, и он стал возить знаменитого счётчика по большим городам. Иноди выступал в трактирах и кофейнях, удивляя посетителей своим искусством. Он мгновенно перемножал большие числа, предложенные кем-нибудь из присутствующих. Так например, для того чтобы перемножить 32 978 на 62 384, ему понадобилось всего-навсего 40 секунд!

Мы живём в эпоху, когда математика играет огромную роль во всех делах человека.

Инженеру, технику, слесарю, токарю, разметчику постоянно приходится вести математические расчёты. Архитектору несколько недель и даже месяцев занимается напряжённой вычислительной работой, прежде чем составить проект здания, а строитель, который это здание станет возводить, во время работы не расстанется со счётной линейкой.

Штурман морского корабля и самолёта — прежде всего математик. Загляните в учебник артиллерии: он сплошь заполнен формулами и вычислениями. Артиллеристу, а особенно зенитчику приходится всегда считать и притом очень быстро: ведь успех боя решают минуты и даже секунды. Хочешь победить врага в перестрелке, — считай быстрее его!

Математика нужна бухгалтеру, колхозному бригадиру, экономисту-плановику, директору магазина, кассиру и продавцу, конструктору и составителю расписаний железнодорожных поездов...

Я не перечислил и двадцатой доли тех профессий, где без знания математики, без умения быстро и правильно считать никак не обойтись.

Теоретическое знание правил арифметики и умение хорошо вычислять — вещи разные. Можно хорошо знать правила и делать

ошибки в каждом действии. Многие из вас, наверно, вычисляють всё на бумаге, даже самые простые примеры. Напрасно они это делают: умение быстро считать в уме пригодится каждому из вас в будущем.

Начнём со сложения и вычитания.

Вы знаете, что легче производить все действия с круглыми числами (которые оканчиваются нулями). Поэтому числа, близкие к круглым, всегда «округляйте», а потом прибавляйте к ним «дополнения» или отбрасывайте излишек.

Вот, например, вам нужно сложить числа 482, 395 и 186. Округлите эти числа, получите 500, 400 и 200. Их легко сложить в уме. Сумма их равна 1100. Потом сложите соответственные дополнения: 18, 5, 14 — сумму их отбросьте от 1100. Вы получите сумму данных чисел: 482, 395 и 186 — 1063.

Все эти действия можно очень быстро проинвестировать в уме.

1842 — 687 = ? Проще и скорее сделать так:
1842 — 700 = 1142 + 13 = 1155.

А как можно быстро умножить в уме какое-нибудь число на 9? Надо увеличить число в 10 раз и отнять множимое:
87 · 9 = 87 · 10 — 87 = 870 — 100 + 13 = 783.

Такой же приём можно применить при умножении на двузначное число, сумма цифр которого равна 9: например на 27, 45, 72 и т. п. Множитель округляем до полных десятков и от произведения отнимаем его десятую часть:

47 · 36 = ? 47 · 40 = 1880; 1880 — 188 = 1880 — 200 + 12 = 1692.

При умножении на 11 к числу, увеличенному в 10 раз, следует прибавить множимое:

94 · 11 = 940 + 94 = 1034.

При умножении на числа, кратные 11, на 22, на 33 и т. п., умножаем на круглые десятки и прибавляем десятую часть полученного произведения.

По образцу умножения на 9, 11, 29 вы легко выведёте правила умножения на 19, 21, 31, 39 и т. д., а также и на числа 12, 18, 22, 28 и т. д.

Умножить какое-нибудь число на 5 — это значит приписать к числу нуль (умножить на 10) и разделить пополам:

$$87,5 = 870 : 2 = 435.$$

Умножить на 25 — значит приписать к числу два нуля и разделить на 4:

$$18 \cdot 25 = 1800 : 4 = 900 : 2 = 450.$$

Чтобы умножить число на 15, нужно к числу, увеличенному в 10 раз, прибавить половину увеличенного числа:

$$46 \cdot 15 = 460 + 230 = 690.$$

Можно быстро возводить в квадрат двузначные и даже трёхзначные числа, если пользоваться алгебраическими формулами квадрата суммы и разности. Например:

$$41^2 = (40+1)^2 = 40^2 + 2 \cdot 40 + 1 = 1600 + 80 + 1 = 1681.$$

$$78^2 = (80-2)^2 = 6400 - 320 + 4 = 6084 \text{ и т. д.}$$

Все эти вычисления легко сделать в уме. Очень хорошо можно использовать формулу умножения суммы двух чисел на их разность:

$$67,73 = (70-3) \cdot (70+3) = 4900 - 9 = 4891.$$

$$155 \cdot 165 = 25 \cdot 600 - 25 = 25 \cdot 575.$$

Интересен упрощённый способ умножения чисел, у которых цифры десятков одинаковы, а сумма цифр единиц того и другого числа составляет 10. Цифру десятков первого числа увеличиваете на единицу и умножаете на цифру десятков второго числа. Цифры единиц обоих чисел перемножаете, не изменяя их. Затем к первому произведению приписываете второе. Рассказывать об этом гораздо дольше, чем перемножить.

$$46 \cdot 44 = 2024 \quad (5 \cdot 4 = 20; \quad 6 \cdot 4 = 24) \quad 78 \cdot 72 = 5616.$$

Советую вам запомнить некоторые числа: квадраты чисел первых двух десятков и кубы чисел первого десятка, степени чисел: $11^2 = 121$, $11^3 = 1331$, $11^4 = 14641$ (обратите внимание на то, как составляются эти степени), произведения некоторых чисел, как например:

$$37 \cdot 3 = 111, \quad 7 \cdot 11 \cdot 13 = 1001, \quad 91 \cdot 11 = 1001, \\ 143 \cdot 7 = 1001.$$

Заучить эти числа недолго, зато знание их поможет вам при быстрых вычислениях.

Как видите, эти способы совсем не сложны. Главное — побольше упражняйтесь в устном счёте. И тогда вы не только запомните те приёмы, о которых я вам рассказал, но и придумаете много новых. Ведь приёмов быстрого счёта существует множество, и они чрезвычайно разнообразны.

Представьте себе, что учитель задал вам сложить все числа от 1 до 200.

Не теряя времени, вы начинаете считать: $1+2=3$, $3+3=6$, $6+4=10$, $10+5=15$... Сначала вы считаете в уме, потом выписываете в тетрадь длинный ряд цифр.

«Тут что-то не так! — думаете вы. — Такими «кустарным» способом целый час просчиташь. Попробую я складывать числа не подряд, а так: одно с начала, другое с конца».

$$1+200=201, \quad 2+199=201, \quad 3+198=201...$$

Каждая пара чисел даёт в сумме 201. И этого следовало ожидать, так как первое слагаемое каждый раз увеличивается на 1, а второе уменьшается на 1, сумма их останется неизменной.

А сколько таких пар? Ну, понятно, ровно 100!

Вы заглядываете в тетрадку соседа. Он трудолюбиво работает, но, пока вы думали, он ушёл совсем недалеко. Он пишет:

$$703 + 38 = 741...$$

Вы сообщаете учителю ответ:

«Сумма всех чисел от 1 до 200 равна 20100!»

Приём, который вы изобрели, встретится вам впоследствии в алгебре под громким названием: «Формула суммирования арифметической прогрессии».

А теперь для начала перемножьте 34 на 28, 58 на 99, 37 на 24, 29 на 66, пришлите нам ответ и напишите, как вы множили.

ТАИНСТВЕННЫЕ АКТЁРЫ

Это не просто картинка. Это настоящие, живые, весёлые артисты, которых вы можете пригласить в свой отряд, в свой класс, в свой маленький самодельный театр.

Как это сделать, вы узнаете на странице 47, в том уголке, который в этом году мы отвели для воспоминаний старого библиографа. Артисты заняли чудное место, но это ничто. Библиограф не обидится, он сам весёлый и любит весёлых ребят.

В М И Р Е К Н И Г

История одной связки бумаг

В мае 1905 года в Цусимском проливе произошёл разгром царского флота, посланного на помощь осаждённому Порт-Артуру. Бездарные и трусливые генералы занимались парадными и собственной карьерой, а не боевой подготовкой. Эскадра, технически отсталая, не была готова к бою. Русским людям предоставлено было фактически только одно право — с достоинством умирать.

Царь проиграл войну и подписал позорный мир с Японией, которая захватила Корею, забрала у России Порт-Артур и половину Сахалина. Исправлять эту историческую несправедливость пришлось во время второй Отечественной войны, свидетелем которой мы всё были.

В Цусимском бою на броненосце «Орёл» принимал участие матрос Алексей Новиков. Впоследствии, находясь в плену у японцев на острове Кю-Сиу, он задумал собирать материал об этом величайшем морском сражении, значение которого уже тогда было ясно начитанному и революционно настроенному молодому моряку. Ему помогли товарищи. В лагере были матросы почти со всех судов, принимавших участие в Цусимском бою.

Но чемодан с рукописями о Цусиме был уничтожен в лагере, и во частично записи удалось только составить.

Интересна дальнейшая судьба

этих бумаг. В тяжёлые годы реакции Новиков скитался по России и за границей на полуправильном и нелегальном положении. А дома, в родном селе, брат его Сильвестр, напуганный частыми обысками, собрал все книжки, газеты, письма Алексея Новикова в жестяные банки, запаял их и зарыл в землю. В 1913 году он разыскал всё, кроме самого главного — материалов о Цусиме.

Шли годы. Совершилась революция. Давно умер Сильвестр. В 1928 году Алексей Новиков, теперь уже писатель Новиков-Прибой, с изрядно поседевшими усами, приехал на родину поохотиться. Племянник за чаем, улыбаясь, выложил на стол связку каких-то бумаг. То были материалы о Цусиме, перехваченные крест-накрест мочалкой. Двадцать два года они пролежали в старом, заброшенном улье.

Писатель вернулся в Москву и сел за большую работу. Так была создана «Цусима» — книга правды и ненависти.

Новиков-Прибой рассказал о подлости, о том, как адмирал Рожественский бросил флот на произвол судьбы и на одиночном миноносце долго рыскал по морю, предпочитая сдаться в плен со всем штабом, чем возвращаться и нести ответственность за сражение; как высшие офицеры со звучными иностранными фамилиями,

переходя с корабля на корабль, первым делом спрашивали: «Есть ли белый флаг?» — и торопились заготовить простыню или белую скатерть...

Но Новиков-Прибой рассказал и о мужестве, о том, как флот, скованный нелепыми распоряжениями и лишённый командования, сражался до конца, как небольшие люди, безвестные герои, приняли на себя весь удар, всю ответственность чужого позора. Кровью оплатили его русские моряки.

Вот что сохранила нам связка бумаг, перевязанных крест-накрест мочалкой.

Прочти книгу Новикова-Прибоя.

Н. Соколова

Витя читает в нашей библиотеке давно, и до последнего времени он ничем не выделялся из массы читателей.

Год назад я заметил, что он берёт книги о море. В этом тоже было нечто необыкновенного: много мальчиков интересуется морем. Однажды я подобрал вырезки из газет для очередной витрины последних событий. Витя сидел рядом и наблюдал за мной. Вдруг глаза его загорелись. Он увидел иллюстрацию — наши торпедные катера в походе. Мы разговорились, и Витя рассказал, что он с начала войны собирает вырезки из газет и журналов.

— Знаешь что, — сказал я Вите, — расскажи-ка нашим ребятам о том, как ты читаешь.

— Да что рассказывать-то! Читаю, как все. А может, сделать из вырезок альбом и показать ребятам...

— Тогда лучше устрой выставку в читальне.

Через неделю выставка была готова. На фанерных щитах приколоты были снимки различных кораблей, карты острова Сингапур, Тихого океана, Средиземного моря с обозначением военных баз и коммуникаций. Тут были открытки с боевыми кораблями нашего флота, папки газетных вырезок, тетради с конспектами о типах боевых судов, о морской авиации. Силуэты различных кораблей, срисованные Витей, имели особенно эффектный вид.

Витя давал подробные объяснения. Очень заинтересовал ребят рассказ о гибели «Бисмарка».

— Это самый сильный из немецких линкоров. У него 15-дюймовые орудия, 50 тысяч тонн водоизмещения. Он находился в норвежском порту. Вдруг английские самолёты доносят, что «Бисмарк» вышел в Атлантический океан. Куда, зачем, никто не мог понять. Дан был приказ найти его

и уничтожить. И вот из английских портов, из Канады, из Гибралтара выходят корабли, вылетаю самолёты. А немец вынужден к северу, подальше, чтобы пройти между Исландией и Гренландией и ускользнуть от погони (Соединённые Штаты тогда ещё с Германией не воевали). Там англичане поставили мины, но лодки сорвали их, и «Бисмарк» прошёл благополучно, только краску оставил на крошке льда, потому и узнали, что он был здесь. Первым обнаружил его старый линейный крейсер «Худ», действовавший ещё в первую мировую войну. «Худ» не стал уклоняться от боя. И скоро его снаряд попал в машинное отделение «Бисмарка», но снаряд «Бисмарка» попал в артиллерийский погреб «Худа» — и «Худ» взлетел на воздух. Всё-таки «Бисмарк» был снова найден. Он шёл теперь медленнее. Авианосец «Викториа» выстрелил в воздух свои самолёты, они атаковали немца. Потопить его не смогли, но ещё больше повредили. Он сбавил ход. Но тут на море упал туман и скрыл «Бисмарка». Торпедоносцы нашли его и в тумане и повредили руль. Английская эскадра нагнала «Бисмарка». Капитан «Бисмарка» спрашивает по радио Гитлера: «Что делать?» Гитлер отвечает: «Пробиваться к Франции, посылаю самолёты и подводные лодки на помощь». Прилетели самолёты к месту боя, а «Бисмарка» уже нет.

— Где ты прочитал это? — жадно спрашивали ребята Витю. — Про это пишет Герой Советского Союза Байдуков, а ему рассказали английские моряки.

Витя интересовался книгами о флоте. В следующих номерах журнала мы расскажем вам о том, как читают другие ребята. Напишите нам, как читаете вы и какие любите книги.

И. Желобовский

Что такое псевдоним? Псевдоним — это выдуманное имя, которое ставит писатель, когда по каким-нибудь причинам не хочет подписать статью. Рукопись, книгу своим именем и фамилией.

Знаменитый писатель XVIII века Вольтер, враг французского абсолютизма, имел до 160 псевдонимов, иногда маскируясь русским «Жан Басков», «Шереметов» и даже «Александр архиповский Новгородский». Автора Лодовика, переводчика французская писательница, писала под мужским псевдонимом «Жорж Занд».

Бывает и так, что писатель не решает подписать свой первое произведение, в котором он не уверен. Молодой Гоголь выпустил свою поэму «Ганс Кюхельгарстер» под псевдонимом «В. Алов».

В 1809 году в американских газетах было напечатано объявление о том, что археолог Дитрих Никкербокер уехал из отеля, не заплатив денег. Хозяин отеля описывал его приметы и просил указать местопребывание беглеца и, наконец, сообщил, что найденную в номере рукопись намерен продать в возмещение убытков...

Книга имела успех. Спусти некоторое время читатели узнали, что Дитрих Никкербокер — вымышленное лицо и книга написана молодым писателем Вашингтоном Ирвингом. Объявление в газете было литературной шуткой.

Наверно, ты читал эту увлекательную книгу — она называется «Рассказы и легенды» и на русском языке вышла в 1939 году в Детройте.

Специалисты немало потрудились, чтоб разгадать тайны той или иной псевдонимы. Открытый словарь псевдонимов — ты знаешь, что Ал. Алтаев — псевдоним Маргариты Владимировны Ямпиковой; что стихи молодого Пушкина появились в журнале с цифрой «14» вместо подписи (Пушкин жил в лицейском пансионе в 14-й комнате); что Серафимович — отчество Александра Серафимовича Попова; что малоизвестный поэт Минаев подписывался шуточным ребусом — «Ми» (Ми-на-еф).

Бывают подписи юмористические: «Антоша Чехонте» (молодой Чехов), «Иегудинил Хламдин» (псевдоним Горького-фельетониста).

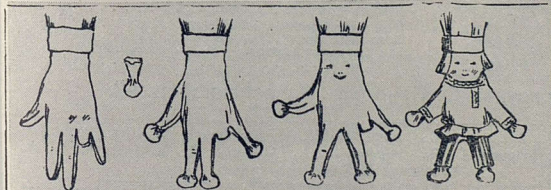
Тот, кто помнит горькое детство, трудную юность Алёши Пешкова («Детство», «В людях»), тот не станет спрашивать, почему автор избрал себе псевдоним «Максим Горький», под которым он прославился на весь мир...

Иногда псевдоним вырастает в художественный образ, от имени которого и ведётся повествование; так была создан образ Белкина у Пушкина и образ гоголевского Рудого Павла.

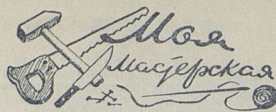
Часто псевдоним совсем затмевает настоящую фамилию. Кто знает Самуэля Лангорта Клемена? Но кто не знает создателя Тома Сойера и Гекка Финна, автора «Принца и нищего» — знаменитого Марка Твена?

Вот что такое псевдоним.

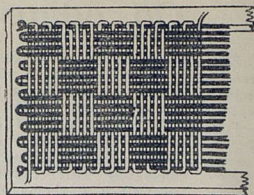
Нат. Тунор

Вот и разгадка. Смотрите, как просто при помощи старых перчаток можно устроить интересное представление для ваших товарищей.

Когда обе поверхности вычищены, их нужно смазать тонким, ровным слоем клея и дать ему просохнуть минут пятнадцать (размазывать клей можно чисто вымытым пальцем, но только пока клей не загустеет). Когда клей совершенно высохнет, нужно так же нанести второй слой клея и снова дать ему засохнуть, а тогда аккуратно наложить заплату на дыру и плотно прижать пальцами. Когда будешь брать заплату, старайся не прикасаться к намазанному клеем месту, особенно к краям.

Труднее всего ровно положить заплату. Опрывать и поправлять не годится. Если сразу не положишь правильно, придётся чистить всё сначала. Края заплаты тем же рашпилем нужно сточить, свести на-нет. А если на калошах не дырка, а порван борт, тогда беритесь за иглу и, прежде чем клеить, тщательно зашейте его.

Вот и весна пришла, ребята. Скоро зазеленеет трава, распустятся деревья. Множество дел ждёт нас тогда на дворе, в лагерях, на реке... А пока весенняя слякоть, грязь, талый снег кругом. Ни в футбол поиграть, ни на велосипеде прокатиться. В школу идёшь — и то прыгаешь, как заяц по камням, чтобы ноги не промочить.

Плохо приходится тому, у кого в весеннюю распутицу худые калоши. Но в нашей мастерской мы и этому горю сумеем помочь.

Придётся только достать резиновый клей и самый главный инструмент — рашпиль.

Варить резиновый клей не нужно, его нужно хранить в плотно закрытой баночке так, чтобы бензин не выдыхался и клей не густел.

Калоши, прежде чем заклеивать, нужно хорошенько вымыть и насухо высушить. На заплату приготовить резину, лучше всего от старых калош.

Вокруг дырки всю резину на 2—3 сантиметра от краёв дырки тщательно вычистить рашпилем так, чтобы получилась ровная шероховатая поверхность. После чистки грогать это место пальцами нельзя.

Заплату, заранее выкроенную, придётся также тщательно очистить. Это не очень приятная работа. Заплата вырывается из рук, морщится под рашпилем, и для удобства лучше чистить её, слегка раставив на круглой палке или маленькой бутылке.

Раз мы уж взялись за иглу, то попробуем заняться ещё одним важным, хотя и простым делом — заштопаем носки.

Дело нехитрое, но и его не каждый умеет делать. Здесь, как и во многих других делах, первое условие — аккуратность. Натяни порванный носок на деревянный грибок или на большую деревянную ложку. Потом затяни дыру нитками, это будет основа. Теперь поперёк основы набирай уток, пропускай иглу поочередно под первую нитку основы, под третью, под пятую и т. д. А следующий ряд наоборот — сначала под вторую, потом четвёртую и т. д. Набирая ряд за рядом уток, прибивай его иголкой к краю.

Конечно, это — не очень весё-

лое дело, штопать носки. И тому, кто всю жизнь просидит на месте, может быть, не понадобится им заниматься, но тот, кому придётся путешествовать, непременно должен научиться этому нехитрому искусству. Порванный, кое-как заштопанный носок — это очень часто стёртая утка, а стёртая нога в путешествии — остановка, а порой и срыв всей задачи. Некоторые считают, что стыдно и даже позорно заниматься таким делом, а по-моему, гораздо позорнее кланяться кому-нибудь из-за устакана.

Почти так же, почти штопкой можно сделать красивый цветной поясок, галстук и даже маленький шарфик. Для этого нужно на деревянную рамку набить гвоздики и натянуть на них основу — на каждый гвоздик по две нитки разного цвета. Потом большой иглой, перебирая нитки, заполнить основу утком и после каждого раза прибивай уток деревянной линейкой или тупой стороной ножа. Комбинируя, по-разному пропуская нитки утка между нитками основы, можно сделать самые разнообразные узоры. Но, чтобы работа получилась красивой, в первую очередь нужна всё та же аккуратность.

СОДЕРЖАНИЕ

Полднериник. — Стихи З. Александровой. Рис. В. Дельмера	1 стр.	После уроков. — Фото В. Мильберг	31 стр.
Дружба. Беспкойный жилец. — Рассказы Н. Емельяновой. Рис. Ф. Лемсуля	2 "	В дивный вонзатого эвена. — Н. Надеждина. Рис. А. Бля	34 "
Робин Гуд и шериф. — С. Маршак, Рис. О. Верейского	7 "	Отовсюду и обо всём.	36 "
Весна. — Н. Надеждина	10 "	Жучки и баран. — Стихи Елены Ильиной.	38 "
Серебряный остров. — Проза Елены Голубовой	12 "	Рис. А. Каневского	39 "
Спящая лошадь. — К. Ушинский. Рис. Ю. Кискачи	20 "	Изобретения из прошлого. — Владимир Орлов. Рис. Ф. Лемсуля	39 "
Рассказы о Петре. — В. Шкловский. Рис. П. Алякринского	22 "	Занимательная лаборатория	43 "
Потолок. — С. Гарбузов	27 "	Быстрый счёт. — А. Волков. Рис. Ю. Кискачи	44 "
В гимнастическом зале. — Н. Тютт. Фото Т. Маят	29 "	В мире книг	46 "
		Моя мастерская. — А. Некрасов	48 "
		Почтовый ящик	III п. обл.
		Так бывает в апреле. — Н. Надеждина, Рис. А. Бля	IV п. обл.

На обложке: рисунок С. Прусова „На весенней тяге“

Редколлегия: Алякринский П. А., Атаров Н. С., Баканов Н. А., Ильина Н. В. (отв. редактор), Кассиль Л. А., Кононенко Е. В., Маршак С. Я., Орлов В. И., Сафонов В. А., Сысоева А. А., Успенский Л. В.

Подписано к печати 19/IV—46 года. Изд. № 268. 82×110. 1/16 бум. листа. А—04431. 76 999 печ. зн. в печ. листе. 6 печ. л. Тираж 35 000 экз. Зак. 740.

Переписка читателей „Пионера“ письма, сообщения, советы, вопросы.

Я руковожу бюро ПОС. Что означают эти три буквы? ПОС—это бюро переписки, обмена и справок нашего географического общества «Глобус» при Свердловском дворце пионеров.

Каждое лето наше географическое общество отправляется в путешествие по родному Уралу. Мы взбираемся на горные кручи, измеряем глубину озёр, чертим свою походную карту. За семь лет работы географического общества «Глобус» наши туристы-краеведы собрали много интересных коллекций. У нас есть образцы горных пород Урала, монеты екатерининской чеканки, коллекции насекомых, птицы чучела. Мы сделали макет Сысертского озера с указанием глубин и рельефа дна, макет знаменитой Кунгурской пещеры.

Наше бюро — ПОС — ведёт переписку, обмен книгами, рисунками и коллекциями со школьниками Советского Союза и с заграницей.

Из Кардиффа (Англия, Уэльс) мы получили вместе с письмом шахтёра образцы каменного угля; из Лондона, Канады, Южной Африки, Индии — книги, журналы, фотографии, географические карты.

И мы, в свою очередь, отправили в Лондон, Австралию и школьникам Северного Кавказа, Алтая, Кузбасса, Сталинграда образцы полезных ископаемых Урала, открытки, рисунки, книгу об Урале, которую написали наши ребята-краеведы.

Кто из ребят, любителей путешествовать, юных географов, краеведов, туристов, хочет переписываться с нами? Вот наш адрес: Свердловск, Дворец пионеров, географическое общество «Глобус».

Люся Гончарова

Во время каникул исторический кружок нашей школы ездил в Москву. Там мы побывали в Историческом музее, в Музее Ленина и на выставке «Комсомол в Отечественной войне». Экскурсовод провёл нас по залам Ленинского музея и рассказал о жизни Владимира Ильича, о том, как он с юношеских лет стал бороться за счастье народа. Мы видели рукописи, написанные рукой Ленина, его личные вещи.

В Историческом музее нас заинтересовала старинная одежда русских воинов. Мы с любопытством рассматривали кольчугу времён Александра Невского. Она вся сделана из мелких металлических колец. Её, наверное, тяжело было носить, но зато она защищала грудь воина от вражеских стрел.

Очень большое впечатление произвела выставка «Комсомол в Отечественной войне».

Сердце замирано, когда мы видели комсомольские билеты, простреленные пулями и обожжённые кровью, рукописные листочки краснодонцев, прощальное письмо Ульяны Громовой, письмо комсомольца к матери, написанное на лоскутке полотна химическим карандашом.

Они не страшались пыток. Они были верны и стойки. Они отдали Родине самое дорогое, что у них было, — свою молодую жизнь.

Мы часто теперь вспоминаем комсомольцев-краснодонцев на своих пионерских сборах и между собою, когда говорим о том, какими нужно быть.

гор. Орехово-Зуево,
7-я женская неполная
средняя школа.

Нина Горлова

Все мы очень любим руководителя юннатского кружка нашей школы М. В. Суркина. Сколько интересных опытов провели мы под его руководством! У нас есть свои крупноплодные и морозостойкие сорта смородины, крыжовника, малины. А всего в нашем пришкольном саду более пятидесяти ягодных кустов и десяти пятидесяти фруктовых деревьев. Всё это выращено руками ребят. Наша школа, участвуя в конкурсе на лучшего юного садовода, получила первую премию.

Вырос наш сад, выросли и мы сами. Я начал заниматься в юннатском кружке, ещё когда был во втором классе, а сейчас я в шестом. И всё, что мы узнали, чему научились, мы стараемся передать другим ребятам. Мы помогаем организовать юннатские кружки в других школах, и сейчас в нашем районе нет школы, где бы не было юннатского кружка.

Много писем приходит в нашу школу и от ребят других городов и сёл. В прошлом году мы раздали и отправили почтой более 3 тысяч пакетов семян различных овощных, технических и декоративных растений.

Давайте переписываться, ребята. Наш адрес: гор. Молотов областного, Молотовский район, 54-я школа.

Толя Леденцов

Мы — большинство мальчиков нашего класса — болельщики футбольной команды ЦДКА. Всё время мы следим за игрой этой команды, а теперь и сами начали играть.

У нас своя команда. Состоит она из ребят, которые умеют играть в футбол и у которых нет двоек.

Своей команде мы дали название «Стрела». Это потому, что мы в игре всегда наступаем. Нападение у нас надёжное: Юра Володин и Коля Куропатов; они очень хорошо играют. А ворота охраняет наш вратарь — Толя Рябинов.

Мы даже значок придумали для своей команды: на красном ромбике с белой окантовкой зигзагом будет вышита жёлтыми нитками стрела и написано название команды.

Мы уже тренируемся и готовимся к встрече с командой другого класса. Это будет наша первая настоящая игра.

Капитан команды «Стрела»
Шура Ковалёв, ученик
122-й школы, Москва

Так бывает в апреле

По народной примете: «Тригогузка — ледотонка, хвостом лёд разбивает». Придёт тригогузка — совпадает с началом ледохода. А когда прилетают и наш край другие птицы? Заведите журнал прибытия пернатых путешественников.

Начался «весенний плач» деревьев. Из пораненного ствола берёзы стекают капли сока. Дятел — большой охотник полакомиться сладким соком. Да и не только дятел: есть у «берёзовой столовой» и другие посетители. Кто они?

Это первоцвет уральской весны. А какие цветы первыми распускаются в вашем крае? Можно провести в школе игру: кто раньше всех найдёт первый цветок, увидит бабочку, услышит пение вернувшейся птицы.

Просыпаются от зимней спячки звери, выходит из берлоги медведица со своими медвежатами. На влажной земле много отпечатков больших и малых звериных лап. Как приготовить коллекцию следов, прочти на 34-й странице.

Только стаял снег — и стали вылезать грибы. Да какие чудные! Торчат из-под земли коричневый колпачок, шляпка вся в морщинах-извилишках. Скорее в лес за сморчками и строчками!

А кто любит заниматься рыболовством, того потянет на реку. Чудесно весной на широкой, полноводной реке! После нереста хорошо клюют язь, окунь, шершнёк, голавль, ёрш и елец.